

К. ДОНСКИХ
В Каталонию

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Донских К.

В Каталонию / К. Донских — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Герои истории живут самой обыкновенной московской жизнью. У Виктора Шемякина – генерального директора верфи «ЯхтСтройТехнолоджис» красавица жена и шестилетний сынишка Никитка. Подруга Катерины Шемякиной часто бывает у них дома и обожает нянчиться со своим крестником. Рассказывая друг другу секреты, подруги делятся наболевшими проблемами, одной из которых оказывается болезнь Кати. Молодая девушка с испанским прозвищем Каталония оказывается заложницей не только собственного диагноза, но ещё и ошибки молодости – её неосторожного увлечения другим мужчиной. Пока она пытается скрыть всё, что может сломать её семейную жизнь, Виктор вовлекается в конфликт со своим бывшим коллегой и работодателем – Кириллом Левиным. Бывший управляющий верфи всячески пытается сместить соперника с его поста и вернуть себе потерянное положение. Пытаясь получить своё любыми способами, он готов использовать даже ребёнка. Чем закончится трагическая история взаимоотношений, в которые оказываются вовлечены даже сотрудники ФСБ? Смогут ли вера и любовь победить эгоистичные материальные желания? Об этом мы узнаем в реалистичном романе – детективе «В Каталонию».

© Донских К., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Предисловие

Letum non Omnia finit (1)

Всё в мире умирает.

Некогда звонкий детский смех, белые молочные зубы и чистая синева глаз ребёнка меняют своё первое, тогда ещё невинное и безгрешное выражение, вид и резонанс. Мы слышим у нашего чада уже более низкие и бархатные частоты в голосе. Замечаем, как яркость глаз постепенно тускнеет и черты лица постепенно матерятся, показывая тем самым, что какая-то фаза жизни этого маленького существа уже совсем умерла. Потом наш источник счастья и вдохновения на продолжение жизни вдруг неожиданно и резко причиняет нам первую боль – душевную. Он начинает скрывать то, что нам естественно знать. Он начинает лгать и тем самым предаёт нашу убеждённость в том, что мы дали жизнь ангелу.

Отчего так происходит и куда девается в человеке то самое невинное и цельное, что так пленяло нас едва ли не вчера?

Как много глупостей и ошибок совершает человеческое существо во время взросления и перехода с одного этапа на другой. Как мало внимания он уделяет другим и заботится лишь о себе самом.

Однажды он резко осознаёт то, что уничтожил какую-то правду, порвал какую-то важную нить между собой и кем-то или чем-то важным. Он кается и сожалеет о случившемся, впадает в уныние и ищет то, что обязательно выведет его из такого омерзительного душевного состояния. Он ищет замену тому, что тревожит его сердце, не желая понимать, что всё в жизни имеет последствия, и даже камень не падает со скалы, не ударившись о какой-нибудь предмет и тем самым не задев его.

Бывает и всё иначе. Когда человек по природе своей очень счастлив. Благодарен Природе и Космосу за всё, что имеет. Одаряет улыбкой окружающих, а врагов и недругов просто понимает по-человечески и, не впуская их в свою обитель, остаётся вне того хаоса и непонимания, которыми мог себя обречь.

Но даже такой человек рано или поздно умирает.

Во время жизни ухудшается его память. Он забывает людей и информацию.

Казалось, то, что он вроде бы должен был помнить, проваливается в глубины подсознания и уже не находит выхода наружу по причине банальной ненужности. Это своего рода защита той самой Природы и Космоса, чтобы человек не страдал от избытка информации, а был более расслаблен и готов познавать больше. Мозг как будто освобождает порой ненужные ему участки для принятия новой и полезной информации.

Когда человек стареет, он начинает с большим вниманием и интенсивностью переоценивать свою жизнь, и чем чаще это начинает происходить, тем более странные мысли лезут в его Сознание, как отряды муравьёв взбираются на пригорки друг за дружкой, систематично, с одной целью. Человек также начинает стремиться к обучению самого себя – к самосовершенствованию. Дабы не прожить остаток дней впустую и бессмысленно, он неожиданно открывает в себе зарытые в далекой юности таланты, и уже больше им не противится. Он более смиренно и терпеливо реагирует на окружающих. Он понимает, что сейчас или никогда он просто обязан кому-то помочь. Это будет платой за бестолковость проведённых им доселе дней.

Бывает всё иначе. Порою талантливые и светлые в общении люди превращаются в отрицательных, неадекватных личностей, не способных жить в ногу со временем и желающих грести против течения, заблуждаясь и обманывая себя в том, что им строят козни завистники и пакостники.

Так или иначе, рано или поздно человек умирает.

Умирают его природа, его быт, его привычки.

Умирают его ценности и стремление казаться самым лучшим.

Умирают идеи и источники вдохновения.

Этап жизни заканчивается, и от человека, как и от окружающей его обстановки, не остается ровным счетом ничего.

Ничего.

Абсолютно ничего.

Несколько фотографий, показывая на которые его будущая родня будет ужинать и выпивать бокал вина, да несколько вещей, что обязательно перейдут по наследству его внукам. Дом, работа, занятия, возможно, тоже проживут ещё какое-то время. Пока не исчезнут в веках и они, как исчезает память и красота.

Исчезнет или, иными словами, попадет под действие аннигиляции и плоть. И даже кости.

Но одна вещь останется неизменной, куда бы человек ни шел, в каком бы направлении ни реализовывался, по каким бы порядкам ни жил, к какой религии или её отсутствию ни стремился.

Это Книги.

Легенды, сказки и истории – настоящие, вымышленные или навеянные талантливым сочинителем у кровати своих деток – всё это запечатлится на страницах бумаги разных эпох.

Слово останется.

И когда настанет час умереть плоти, мы вспомним о том, что Душа бессмертна. Её отпечатки мы найдем за корешками книг. Человек проснется в сознании, как пробуждаются в теле инстинкты природы и стремление побеждать. Слово расскажет о его мыслях и страхах, любви и ненависти. Почерк расшифрует его характер и желания, склонности и увлечения.

Читая произведения, мы окунёмся в частичку его души – если не целостной, то обязательно искренней. Между строк мы откроем заново того, кого уже знали, а если нет – попробуем раскрыть природу рассказчика с азов, с нуля, с чистого листа. Его юмор, тон голоса, его настроение. Читая слова, мы поймаем себя на мысли, что автор нас злит или расстраивает. Мы найдём для себя те моменты, что сделают нас счастливыми. Будут строки, что дадут нам уют. Будут те, что запутают нас окончательно. Но, если мы постараемся понять душу рассказчика, книги изменят нас. Иногда сильно. Иногда незаметно для самих себя. И все это будет, несмотря на то, что это однажды станет формально мёртвым.

Чудо чернил на бумаге или вбитых в Microsoft Word слов останется в памяти, на полке.

Книги никуда не исчезнут. Они будут жить, несмотря на прогнозы Рэя Брэдбери (2).

Потому что не всё кончается со смертью.

История, которую вы сейчас читаете, произошла на самом деле. Я рассказываю её из уважения к моей подруге, которая очень просила написать о своем горе, случившемся с ней не так давно.

Она знала, что я увлекаюсь написанием историй, и предложила написать о ней.

У меня нет большой надежды, что книгу опубликуют. Но я знаю, что её прочтёт много знакомых и друзей и услышит о том, что перевернуло жизнь многих. И быть может, это поможет кому-то переоценить свою жизнь, понять для чего и для кого мы живем, и что есть правильное, а что вредящее. По этическим соображениям фамилии участников истории изменены.

1.

*Когда ты знаешь о том, что всё пойдёт по твоему плану
– он разрушается.*

Наши дни...

При тусклом свете торшера, так неаккуратно разбрасывающего свои лучи, посапывали двое похожих друг на друга чертами лица.

Молодая девушка около тридцати склонилась над постелью с красивым орнаментом на изголовье и, периодически кивая от навалившегося сна головой, поддерживала руку спящего в кровати шестилетнего мальчика. Тот спал мирно, но иногда подёргивал рукой и ногой, так же как и маленькими веками, давая тем самым понять, что он провалился в сон и видит самые разнообразные картины. Сейчас ему снилась больница, – по крайней мере, он так полагал, шагая по светлым, нескончаемым коридорам и натываясь на высоких людей в белых халатах. Те шли и не обращали на него никакого внимания, как будто его и не было там вовсе. Он окликал их вслед, а они проходили сквозь него, и он чувствовал холод – мгновенный, внезапный, и настолько неприятный, что, казалось, ледяные осколки вонзались в его сердце, как это некогда случилось с героем Андерсена.

Он проснулся и увидел державшую его за руку девушку. Та сопела и вздыхала в полёте снов. Чем-то обеспокоенный, он крикнул «Мама».

Взгляд его казался тревожным, и казалось, что он вот-вот заплачет, – так подрагивали его нижние губы, а зрачки бегали из стороны в сторону и выдавали всю ту детскую тревожность, которая так часто видна на лицах маленьких детей, оставшихся даже на пять минут без взора матери.

– Никита, детонька, что случилось? – девушка проснулась и обняла его. Обтянутые детской пижамой руки мальчика казались совсем маленькими. Подрагивающие от волнения, они потянулись к её шее. Обняв его как можно крепче, она погладила по редким, слегка вьющимся волосам.

Мальчик был на неё похож. Даже разрез глаз напоминал ей глубоко посаженные с голубым отливом глаза её отца. Она совсем проснулась и осмотрела комнату, в которой они находились.

Двенадцать квадратных метров. Раздвижной диван слева от сосновой двери; торшер с его причудливой грушеобразной верхушкой; высокий с квадратным рисунком книжный шкаф с множеством пестреющих корешков; дубовый, выкрашенный в чёрный цвет стол с бессвязно запутавшимися проводками от современных технических устройств; огромный – слишком вычурный на её взгляд – двухдверный гардероб и зеркало во весь рост, облепленное со всех сторон наклейками с изображением трансформирующихся человечков. Последние Никитка наклеил еще тогда, когда в доме царила более привычная атмосфера.

Девушку, которая находилась сейчас рядом с мальчиком, звали Леной.

Её подруга Катка, которую друзья называли Катой, была мамой встревоженного сейчас мальчика. Она часто просила Лену присматривать за малышом, когда отлучалась по своим делам.

Сегодня был один из таких дней, когда Каты не было рядом с сыном.

Изменение одной буквы имени она заполучила за данное ещё в детстве романтическое сравнение с историческим регионом Каталония в Испании, на северо-востоке Пиренейского полуострова. Впоследствии заморское название адаптировали в более короткое и привычное родному имени – Ката.

В начале миллениума для Катерины Шемякиной, тогда еще Розиной, поездка в Испанию казалась чем-то удивительным и нереальным. Папа был военным в отставке и работал инженером в службе безопасности банка, в котором его жена и мать Кати трудилась финансовым помощником руководителя. Но симпатичная девочка ещё тогда грезилась попасть в место, не побывать в котором стало бы, по её мнению, ошибкой природы...

«Я поеду туда, чего бы мне это не стоило. И вообще, называйте меня Каталония. Ката поедет на побережье Каталонии», – повторяла она, улыбаясь и предвкушая тёплый бриз и веяние прохладного утреннего бриза средиземного моря.

Тогда ей было пятнадцать.

Российское общество потихоньку начинало зарабатывать больше, чем в эпоху дефицита и однообразных вещей. Катя устроилась расклейщиком объявлений и мечтала собрать денег на поездку в Испанию. Друзья уговаривали её начать с русского Крыма, Турции и Египта, но упрямая девушка мечтала о большем. Так-то и прилипло к девчонке прозвище Ката, ставшее впоследствии рядовым и обыденным в её жизни.

Девочки встретились в третьем классе. Лену перевели в другую школу в связи с переездом в новый район и, ревеющую от испуга, привели в новый коллектив. Завязали ей пышный бант, так традиционно занимавший голову школьников девятиклассных годов, одели в сарафан и натянули белые колготки.

Ката же, наоборот, держалась уверенно в своём 3 «Б». Да и одноклассники знали её больше, отчего она чувствовала себя комфортнее и не боялась незнакомых ей сверстников.

Впоследствии, правда, Лена адаптировалась, показала не только свой характер, но и тягу к знаниям. Чем вызвала понятный интерес и со стороны ровесников, и со стороны учителей.

Две девочки вскоре подружились и не расставались по сей день. Вместе учились, вместе прогуливали литературу и биологию, вместе поступили в один лингвистический вуз, вместе знакомились с понравившимися им парнями. По счастливой случайности вкусы на мужское общество у сверстниц оказались разными. Лене нравились худые и, как сейчас их принято называть, метросексуальные ребята, Кате же, наоборот, – крупные и brutальные. Такими их половинки и были. Правда, по причине разносторонних взглядов на мужские интересы они не сошлись в дружбе друг с другом. Хотя это не очень-то интересовало подруг. Достаточно было их собственной привязанности – сводить любимых мужчин не входило в их планы.

Но в планах была свадьба.

Жениться в один день всем вместе было инициативой Каты. Шумные и праздные гулянья двух семей сулили ей реализацию своей мечты.

Лена была просто не против.

Всю организацию на себя должна была взять энергичная подруга, креативность которой могла ей сулить карьеру свадебного организатора.

Прежде всего, Ката отыскивала именитого тамаду – качественный ведущий обязан был не допустить пьяной неразберихи, так часто происходящей в такие дни. Потом она нашла помещение, точнее будет сказать парковую зону с крытыми шатрами, куда должен был приехать выездной регистратор из ЗАГСа. Торты, оформление машин и кейтеринг зоны, казалось, выросли из Катиной прошлой жизни, – настолько ловко она со всем управилась.

Но за две недели до события будущий Ленин муж Алексей попал в автокатастрофу, которая отложила счастливый день на неопределенное время. Он пролежал в больнице со множеством переломов грудной клетки и левой ноги.

Назначенный день отменять не стали, сыграли свадьбу Екатерины и Виктора Шемякиных. Надо отдать должное Лене. Она ничуть не показала вида одиночества и дискомфорта, вырвавшись из больницы на полдня. Наоборот, со слезами радости кричала «горько» и вручала подруге привезённую ей в качестве подарка коляску.

Вскоре Катя родила Никиту. Слабенького и крошечного. Всего 2700 г.

Мальчишка сразу стал чадом двух матерей. Первой была Ката, а второй, конечно же, Лена, которой доверили стать его крёстной.

После трагедии на дороге Алексей ещё полгода хромал. А по прошествии нескольких месяцев, оттянувших романтический настрой, и торжественный день стал не нужным. Лена просто переехала жить к Алексею.

А сейчас, сидя в Катиной с Виктором квартире со своим крестником, она вдруг представила подругу. Молодая и красивая, Ката сидела сейчас на ее небольшой, но ухоженной кухне в Митино.

Вот она жуёт колбасную нарезку и одновременно высказывает своё мнение, выраженное в пользу отстраненных от политики демократов, запивает всё martini с соком, и дела житейские уже переходят на первую полосу её импульсивного красноречия.

Вот она снова жалуется ей на то, что Витусик не купил ей туфли из «Рандеву». А она просто обязана их иметь! Ведь такие же у его секретарши – красивой и эффектной Черчиной.

Вот Ката подпевает под кавер-версии известных песен, что включила ей Лена...

Как вы думаете – для чего нужны сказки...

В сказках всегда соревнуются две небесные силы: светлая и тёмная. И всегда белая магия, светлое начало или божественное добро является абсолютной доминантой. С самого детства мы увлечены сражением двух миров, полагая исключительно, что тот, кто несёт спасение, и то, что творит чудеса и добро, обязательно окажутся в выигрыше. Тем не менее, мы сомневаемся в этом в самом начале истории, сопереживая добрым героям и виня матушку несправедливость. Но в конце, когда любовь побеждает любое зло, мы плачем от радости, будто бы и не догадывались, что всё так и будет.

В сказках так всегда. Мораль, добро и сердечные чувства всегда доживают до самых титров.

Нам кажется, что с нами будет точно так же, как и с королевскими особами, золушками и просто добрыми крестьянками. Мы вдохновлены тем, что впитывали в себя с самого детства. Мы верим, что наша жизнь будет точно такой же счастливой, как у наших героев, из которых мы лепим кумиров. Но как раз тогда, когда мы полностью расслабляемся и плывём на волнах счастья, злой персонаж врывается в наш быт, и отчего-то мы не можем его так легко повергнуть, как с этим справился бы рыцарь средневековой баллады. Всё это, безусловно, образно. Но сравнения часто совпадают с действительностью.

2.

Спустя несколько лет после мечты о Каталонии Ката так и не попала в желаемое место. Мечты о сказочной стране с кладезем средневековых историй не реализовались. Она жила будничной жизнью, но той, которую другие, возможно бы, сочли пределом желаемого. То, что было бытом для Каты, для других являлось мечтой.

Муж – красавец инженер, рисующий проекты кораблей и яхт, и время от времени приобретающий с них неплохой капитал; своя квартира с гаражом и дорогая машина.

Ката была на обеспечении мужа. Редкие злые языки винили её за прозорливость в перспективном замужестве и накидывали хомут содержанки. Ведь когда они только познакомились, обеспеченность Шемякина была лишь в его дельных планах, а сам он ходил пешком и с радостью вспоминал о комплексных обедах в «Столовой №1» на Пушкинской.

Виктор подрабатывал в разных компаниях, так как доход от чертежей не был стабильным, но как только выгодная сделка сулила ему большую прибыль, он отпрашивался у официального работодателя ООО «Ветер перемен» и бежал с тубусом на Каширское шоссе в свой собственный арендованный офис, откуда часто возвращался с оригинальной копией договора на совместный проект. Так он скопил для семьи на «Рейндж Ровер Эвок», небольшую квар-

тиру в таунхаусе в спальном районе и приобрёл участок в шестидесяти километрах от Москвы по Варшавскому шоссе.

Но ещё в переходный период его жизни, до всего вышесказанного, он и повстречал Катю. Она сидела во французской кофейне возле окна и смотрела пространно на прохожих, слоняющихся то быстрым, то прогулочным шагом. Её выразительные, подведённые тонкой линией глаза, трепетно следили за каждым движением, которое, казалось, не прекращалось ни на минуту, что было в порядке вещей для московской центральной улочки.

Благодаря каре тёмных переливающихся, удлинённых спереди волос, была видна её тонкая, лебединая шея, которая плавно переходила в плечи, рисуя чёткий и правильный эскиз.

Взгляд Виктора спустился ниже, на привлекательную грудь, которую ненадёжно прикрывал кардиган, стрейчевые чёрные брюки и полусапожки с изысканным каблучком.

Она сидела неподвижно и пила дымящийся возле её правильного носа напиток, и отвлекалась только, чтобы поставить декорированную лепестками фарфоровую чашку, а потом вновь устремляла свой взор на ноги и тела проносящихся людей.

Виктор подошёл к её столу и поставил рядом пирожное, усыпанное какао порошком. Отойдя к своему столику обратно, он улыбнулся незнакомке и тут же отвернулся к барной стойке, сделав вид, что он не собирается больше ею интересоваться и увлечён больше газетой «Коммерсантъ».

Катя не любила знакомства в общественных местах, поэтому улыбнулась ему вслед, но оставила пирожное без внимания. Спустя десять минут Виктор как ни в чём не бывало вышел из кафе «Мадемуазель», расплатившись за капучино.

Стоит ли говорить, что столь милый поступок оставил след в сердце юной красавицы?

Оставил.

И сразу.

Решив, что хозяин подарка всё равно уже ушел, девушка вздохнула и взяла чайную ложечку, дабы попробовать произведение искусства, тем более что оно вызывало несомненный аппетит.

Вскоре к ней подошёл официант и передал салфетку от некоего Виктора, на которой неаккуратными, но понятными буквами было написано: «Тирамису лишь для тебя одной».

Ещё 20 минут Виктор ждал её за углом кафе, а потом ещё долго рассказывал легенду, связанную с этим пирожным. Кто бы знал, что с итальянского этот необычного вкуса десерт переводится как «вознеси меня».

По одной из легенд, тирамису был создан в семнадцатом веке в Сиене, на северо-западе итальянской провинции Тоскана в честь приезда Великого герцога Тосканы Козимо III Медичи. Тогда герцог приехал в отвратительном настроении, но как только попробовал сиюминутное творение повара, главным ингредиентом которого явился сыр маскарпоне, то тут же развеселился и, говорят, даже осыпал комплиментами всех красавиц вокруг.

Знание Виктором столь милой истории пришлось Кате по душе, и с тех пор она по уши влюбилась в скрытного и почти неизведанного Виктора, который мог перевоплощаться в разных персонажей с утра до ночи. Сегодня он был романтиком, завтра – брутальным бизнесменом, через какое-то время – творчески воспевающим свои заказы инженером. Он был всегда разным, но в одном Катя была уверена точно – он её любит, и никто и никогда не сможет разбить их настоящее и будущее.

Три года после первой встречи...

– Как ты думаешь, чёрное или красное... – Ката вертелась перед зеркалом во весь рост, которое являлось частью высокого шкафа-купе, сделанного в японском стиле: бамбуковая

циновка по бокам и красочная цветочная, в виде сакуры, композиция по правую и левую стороны от зеркала посередине. На ней были телесного цвета чулки и на два тона темнее кожи бесшовное нижнее бельё, которое вызывало у Виктора желание сказать: «Не надевай пока никакого». Он лежал в брюках и выглаженной рубашке на кровати, поглаживая слегка небритый подбородок, и любовался красавицей-женой, ожидая, наконец, момента их похода на мюзикл.

– Вить, я же говорила тебе столько раз – не лежи в одежде в постели. Я же старалась, гладила, – голос её стал угрюмее и Виктор подумал, что сейчас не стоит с ней спорить. Потому что, если дело касается выбора того или иного наряда, жена в этот момент всегда заведена, и лучше беспрекословно слезть с сатинового покрывала.

– Чёрное, – коротко выплеснул Виктор, расстёгивая верхнюю пуговицу рубашки с контрастной отделкой. Он не понимал, как можно душить себя одеждой, предпочитая рубашки с расстёгнутыми сверху одной-двумя пуговицами.

– Ты даже не посмотрел на меня и не знаешь, какое сидит лучше, – Ката выдвинула по-детски нижнюю губу, пустив в Виктора свой пронзительный из-за нарощенных ресниц взгляд.

– В красном нужно идти не на мюзикл, а... скажем, на бал или в ресторан.

Ката продолжала прикладывать то одно, то другое платье к своему телу, будто не услышав совета. Потом залезла в гардероб, вытащила оттуда зелёное и бирюзовое и молча кивнула мужу.

– О, нет. Только не это! – воскликнул Виктор, – их уже четыре. Откуда взяли ещё два...?

– Ты забыл, что пять дней назад был день Святого Валентина, и ты сам сказал мне купить то, что мне нравится.

– Я сказал купить то, что запомнится, – со вздохом сказал Виктор, задумавшись, правда ли он так сказал.

– Ну, вот я и купила, – хитро улыбнулась она, прикладывая короткие платья к себе и влияя с ними то в правую, то в левую сторону, будто пританцовывая. – Я запомню, что эти два платья ты подарил мне на 14 февраля, – и она чмокнула его, привстав на мысочки.

– Хитрюга, – Виктор схватил жену и страстно поцеловал её. Какая же она была желанная и красивая для него в тот самый день. Они шли на мюзикл «Граф Монте-Кристо».

Посидеть с двухлетним Никиткой, который мирно посапывал в маленькой кроватке, с которой лишь недавно сняли стенки, позвали Лёну. Виктор мог позволить ребёнку няню, но Катка уболтала подругу побыть с сыном один вечер, что вызвало у той лишь радость. Любимый крестник не мог помешать её пятничному времяпрепровождению, тем более что Лёша был рядом.

После того, как родители мальчика ушли, они смотрели очередной новый экшн, снятый по всемирно известному бестселлеру английского автора и наслаждались атмосферой, царящей вокруг них. Жидкокристаллический LCD, последний из коллекции ТВ-индустрии, с 3D-эффектом и Digital-системой отличался потрясающим звуковым сопровождением. Герои, казалось, выпрыгивали с экранов на их наблюдателей и бегали вокруг кожаного чёрного дивана, на котором расположились Лена с Лёшей. На натяжном потолке с витиеватыми выступами засели сват – захватчики. А аквариум, встроенный в стену гостиной, таил на своем дне важную информацию, до которой не могли добраться даже сотрудники ЦРУ.

В детской заплакал ребёнок. Потом Никитка прибежал и сам, требуя рассказать ему сказку про доброго динозавра, который сражается с чудовищем, живущем в его шкафу.

– Сделай тише, – громким шёпотом попросила Лена, – я пойду уложу его. И направилась в небольшую комнату в самом конце квартиры.

– Кто это у нас не спит? Кто напугал моего маленького крестника? – зашекотала она двухлетнего ребёнка, способного привлечь к себе внимание разве что жестикуляцией, сопровождающейся много раз повторяющимся звуком «Бусь дись», что на языке светловолосого

малыша означало «Побудь здесь». Он вскарабкался обратно в маленькую, почти касающуюся дном пола кровать, залез под одеяло и, полусидя, показал в сторону ночника.

Тот испускал рассеянный, приглушённый свет, который разбрасывал сотни цветных круглых огоньков по всей правой половине комнаты. Светящийся динозавр открывал и закрывал свою беззубую пасть и крутил маленькими лапками то вправо, то влево, бесшумно вращаясь.

– Кто там? Кто там? – спросила у Никитки Лена, которая сама заинтересовалась направлением, на которое указывал мальчик.

– Бусь дись, – повторил мальчик и лёг на бок, показав на розовую игрушку Лунтика-футболиста.

Лена подошла к ночнику и повернула выключатель по часовой стрелке. Динозавр заиграл привычной классической мелодией Брамса и осветил комнату тёплым зелёным оттенком; она прокрутила колесо ещё, и всё вокруг стало фиолетовым под музыку Дебюсси «Свет луны»; последняя мелодия для ночника-динозавра таила естественные звучания леса и моря, и жёлтые рассеянные лучи озарили полночную тьму.

– Вот. Какая мелодия тебе больше нравится? – Лена нагнулась над Никиткой и поцеловала его в лоб.

Тот ничего не ответил.

Она укрыла его одеялом, оставив снаружи лишь руки, облачённые в хлопковую пижаму с изображением медвежат.

Слева на маленьком столике с разбросанными раскрасками, фломастерами и кубиками лежала книга сказок мировых и русских авторов: Астрид Линдгрен, А.М. Горького, Н.Д. Телешова, Андерсена Г.Х., Шарля Перро и др.

Лена открыла книжку на месте бамбуковой, привезённой с востока сувенирной закладки.

– Ага. Ну, вот где вы остановились.

Она поглядела на Никитку. Его светлые густые волосы, ровный маленький нос, алые полные губы и этот постоянный, не исчезающий румянец с белых, почти прозрачных щек делали его тем созданием на свете, кого бы она с удовольствием баловала, воспитывала и кому бы дарила всё своё свободное время. Она бы водила его в детский сад, смотрела бы с ним советские и зарубежные мультфильмы, научила бы писать и, может быть, даже провела бы с ним каникулы на берегу моря. Ей казалось, что она сама родила этого мальчика, – настолько хорошо она его знала, и уже проявляющиеся черты характера этого малыша были так ей близки, что она готова была подарить ему всё своё тепло и нежность, окружить его своей лаской и заботой. В глубине души она верила, что когда-нибудь у них с Алексеем родится такой же милый ребёнок. Она бы направила всю энергию на это чудо, подружила бы свою кровинку с Никиткой, и тогда без того крепкие дружеские отношения стали бы ещё сильнее. Возможно, она идеализировала свой внутренний мир и мир своей подруги, но в действительности очень этого хотела. Хотела, но не могла. Дело в том, что два года тому назад, когда Алексей попал в автокатастрофу, их посетило ещё одно несчастье. Тогда ей, находящейся на пятом месяце беременности, поставили диагноз – замершая беременность. Сокрушённой известием о том, что плодное яйцо пустое, ей сделали операцию и назначили лечение, способное исправить ситуацию. Сейчас всё шло на улучшение, и Лена с Алексеем постепенно готовились к тому, что во второй раз обязательно получится. А пока она одна сидела на коленках, склонившись над Никиткой, и радовалась не совсем чужому и такому близкому маленькому счастью каждой женщины.

– Жил мельник. Жил он, жил и умер, оставивши своим трём сыновьям в наследство мельницу, осла, кота, – читала она сказку В.А. Жуковского.

3.

Спустя еще четыре года...

Что для вас представление благополучной жизни?

Какой вы её видите?

Надёжность в выбранном мужчине, любовь к нему и ...

...может, высокооплачиваемое хобби,

сравнимое если только с мечтой Генри Форда – владельца крупного автохолдинга?

Для кого-то это просто деньги.

– Виктор Геннадьевич, звонили из «Авико Моторс», они подтвердили заказ на «ЯТУ-345» и выслали вам его на мейл. Эта модель пойдет на Филиппины к Роберто Касьясу. – Дождавшись кивка босса, Аня включила кофеварку, буквально нажав лишь на одну кнопку, и тут же развернулась на мысках красных туфель, вернувшись на свое рабочее место. Она уже привыкла к тому, что Виктор с утра не разговаривает. Нет, не потому что у него плохое настроение и он высокого о себе мнения. Дело в том, что руководитель предприятия «ЯхтСтройТехнолоджис» всегда просыпается за сорок минут до прихода в офис и готов к утренней повестке дня только после выпитого натошак эспрессо. Тем не менее, Виктор всегда просит Анну рассказывать ему о самых важных заказах, об их текущем статусе и любых сложностях с ними связанных сразу же. Но Роберто Касьяс и «ЯТУ-345» были теми элементами важности предстоящей работы, которыми Виктор тем более не мог пренебречь, не глотнув чёрного эспрессо.

– Подготовь договора и назначь мне встречу, – коротко бросил он, почти не остановившись в приёмной, чтобы обменяться с Анной более приятными любезностями, и направился в свой кабинет, оставив за собой невидимый шлейф, который разбросал со стола секретаря несколько аккуратно сложенных листов.

Аня Черчина знала, что столь фурийное состояние босса может означать лишь одно – сегодня день сборов, а значит, через полчаса Виктор попросит её вызвать всех инженеров судостроительного производства, копировальщиков и Юркова, его лучшего печатника и редактора.

– Петя, – шепнула она в трубку изящным, с хрипотцой голосом, стараясь прикрыть микрофон рукой, – шеф назначит сборы на сегодня, чёрт возьми. Я полная идиотка, что назначила обед с Кириллом на этот день и отказалась пойти вчера. Я не могу пренебречь такими деньгами. Ты знаешь, что он выйдет на него другими способами, если я вновь соскочу. Ему-то невдомёк, что я правая рука Виктора и должна быть при нём 24 часа.

Она услышала знакомый вздох на том конце трубки.

– Хотя кого это волнует. Тем более Кирилла.

В секретариат вошел Шемякин и вопросительно дал понять, что ореховый эспрессо (а именно такой кофе он ждал у себя каждое утро) должен был пленять его горьким ароматом робусты ещё две минуты назад.

Виктор никогда не звонил Ане.

Он никогда не звонил своим подчинённым.

Просиживанию в кабинете с поочередным набором кнопки «трансфер» он предпочитал лицезрение рабочих будней всех, кто жил с его разумом на одной волне. А его разум блуждал в море, перебираясь лишь изредка на водные глади крупных рек и озёр. Потому что Виктор был генеральным директором крупной верфи и конструкторского бюро.

Иногда он работал дизайнером. Рисовал эскизы сам. Он закрывал глаза и рисовал линии – похожие замыслы приходят художникам, срисовывающим тонкие линии с натурщиков. Его были более строгие и грубые, чем если бы этот эскиз являлся образцом женских тел.

Он стелил эскизы на ватмане, легко и творчески вырисовывая больше ровных и гладких снизу и добавляя больше креативности в середине и сверху. Только после мягких карандашей он брал автоматические для черчения, циркуль и тут уже без всякого романтизма вырисовывал

подсчитанные математически и детально правильные отрезки, которые впоследствии служили каркасами нужного размера.

Когда он только начинал свою деятельность, несколько лет он отвозил эскизы и чертежи на другие крупные верфи. Сколько крупных предприятий отказало ему когда-то в содействии, он уже не считал. Их было поистине много.

Лишь однажды, когда он уже смирился со случайными заработками, много лет назад, пытаясь добиться совершенства, – тогда, на пороге ещё совсем юных лет, ему посчастливилось повстречать Серафина Родина...

Наполовину поляк, наполовину русский, владелец верфи «ЯхтСтройТехнолоджис» – Серафин Родин редко появлялся в кругу рабочих кабинетов, расположенных на проезде Дос-флота, примыкающем к Химкинскому водохранилищу. Он встречался с Виктором раз в месяц, проводя оставшиеся рабочие будни на испанском побережье.

В день их знакомства он встретился с ним случайным образом. 26 сентября 2010 было тем самым днём, когда Серафин прилетел в Москву на собрание акционеров. Собрание началось, как полагается, в десять утра. В тот день «ЯхтСтройТехнолоджис» презентовала ЯТУ «Coral», носящее свое экзотическое название благодаря триумфальному успеху на заплыве близ острова Сейшелы. Дизайнер, соорудивший белоснежное чудо, способное разогнаться до 24 узлов, прибыл в Москву, чтобы презентовать её через Серафина Родина, его друга и соратника.

«Coral» должна была уйти в продажу известному судовладельцу, ценителю яхт с подобной формой, которая была типичной для военных кораблей прошлого столетия и имела достаточно агрессивный вид, что как ни стать лучше подходило для выбора судовладельца.

В тот же день ещё никому не известный Виктор должен был подъехать к 13:00 на собеседование к Кириллу Андреевичу Левину – действующему руководителю и генеральному директору верфи. С тубусом в руках он зашел в кафе-бар, расположенный в двух кварталах от судостроительного предприятия. Открыв меню и не найдя в нём орехового эспresso, он начал листать страницу за страницей, пытаясь угледеть в меню понравившуюся картинку. Он делал так всегда, когда не был уверен в правильности предстоящего заказа.

Вообще, фотоменю, завоевавшее бары и рестораны Москвы не столь давно, достаточно облегчало выбор посетителей. Москва – город интернациональный, и представьте себе, что невинное блюдо, входящее в меню вполне приличной кофейни под названием «Spotted Dick», что в переводе означает всего-навсего Пятнистый Дик, не содержит иллюстрации, и какой-нибудь недотёпа иностранец вполне может пренебречь заказом, не увидев картинку вполне аппетитного, похожего на пудинг лакомства, так как слово «dick» с английского переводится не только как мужское имя, но и как мужской половой орган.

Пролистав до «салатных» страниц, Виктор взял традиционный «Цезарь» и всё же решил его запить эспresso, пускай и вполне обычным. Телефонный звонок, который раздался за его плечом, не сразу привлёк его внимание, но, прислушавшись, он услышал знакомый смех, имеющий индивидуальную особенность. Владелец этого смеха как будто заикался собственными смешками, периодически отвлекаясь на судопроизводственную лексику. Дождавшись, пока закончится телефонный разговор, Виктор глотнул из маленькой, почти крошечной чашечки с горячим напитком.

– Ростислав, как вас сюда занесло? – повернулся он к сидевшему за барной стойкой мужчине. Смуглый, коротко стриженный брюнет сорока-сорока пяти лет повернулся, повинувшись интуиции. Где-то он встречал этого молодого паренька, обратившегося сейчас к нему. Но как будто это было в его прошлой жизни, потому что знакомые черты ускользали за завесу десятилетней давности. Виктор понял, что тот его не узнаёт и лишь шире улыбнулся в ответ, оголив ровные белоснежные зубы. Минуту спустя незнакомец хлопал себя по голове так сильно,

что Виктор ненароком подумал, что тот заработает таким образом черепно-мозговую травму. Потом незнакомец покусывал губы и подставлял к ним свои смуглые пальцы.

– Витька, чёрт возьми! Ты? – воскликнул он, пересев к столу, и оказался напротив одетого в костюм, но как всегда без галстука старого знакомого. – Как же это ты? Так вырос! Я тебя и не узнал. Сколько же лет прошло? Должно быть, все десять! – вскрикнул он и добрался рукой до плеча Виктора, похлопав по нему хорошенько.

– Одиннадцать.

– Что ты здесь делаешь? Или будет правильнее спросить, что я здесь делаю, а? – поугас он пылом и выпрямился. – Виски. Односолодовый. Два. – Указательный и средний пальцы взмыли вверх по направлению к бармену.

– В общем-то, наверно, да. Я не видел вас столько лет, а вы почти не изменились, дядя Ростислав.

– Называй меня на «ты». Тебе больше не восемнадцать-девятнадцать лет.

Ростислав давно покинул Россию и сейчас владел небольшой дизайнерской компанией в Испании, завоевавшей глубокое уважение со стороны ценителей «взрослых» игрушек – будь то автомобили раритетных марок или новомодные яхты и катера люкс-уровней. Его предприятие создавало и восстанавливало утраченное в периоды рецессий и глобализации. В России тогда, когда на западе уже существовали все возможности для построения бизнес-индустрий, ещё не представлялось возможным даже попробовать то, что Ростислав называл «живительной властью», а именно открыть свой бизнес, имея при этом всевозможные питающие тебя «живительные» ресурсы – первоначальный капитал, разрешения на получение лицензий и подвешенный язык.

Тогда он уже имел то, чего сейчас, при этой встрече не имел Виктор. К сожалению, родственный разрыв, который случился, по вычислениям Виктора, одиннадцать лет назад, разрубил отношения Ростислава с отцом Виктора. А может, и к счастью, молодой парень не познал тогда той роскоши в столь юном возрасте, которой его дядя мог бы побаловать. Ведь не случись того разрыва, возможно, Виктор и не добился бы всего сам, прокладывая тропинку в тернистых дебрях справедливым и честным путем.

Ростислав приехал в Москву на презентацию своего, как он назвал это, маленького шедевра – ЯТУ «Coral». Он явился тем самым художником, нарочито преследовавшим все возможности вылезти вперед, и в данном случае сделал то, что в очередной раз ему эту возможность предоставило.

«ЯхтСтройТехнолоджис» выбрало его как художника, не выдвигающего напоказ стильные и новомодные силуэты суден, которые так принято считать роскошными средствами передвижения. В его работах судно, внутренняя отделка которого, бывает, доходит до стоимости целого таунхауса, внешне содержало резкие и порой грубые формы, которые отталкивают непрофессионала от мысли роскошного происхождения яхты. И благодаря такой концепции Ростислав славился в своих узких кругах как художник-прагматик, плюющийся на внешние атрибуты.

26 сентября он оказался в том же кафе-баре, что и его племянник, которого он не видел одиннадцать лет.

26 сентября Ростислав предложил «ЯхтСтройТехнолоджис» замечательного специалиста. Случись так, что собеседование Виктора в этой компании перенесли бы на следующий день, или вообще оно не было бы назначено, эти двое не пересеклись бы, и далее не было бы того, что было сейчас. Этой истории вовсе не существовало бы.

Но даже по прошествии двух лет, будучи руководителем той самой верфи, с руководства которой Виктор сместил Кирилла Левина, он не мог поверить, что судьба способна по-настоящему удивлять. К слову сказать, Виктор после того, как его популярный дядя помог устроиться

ему на работу и впоследствии даже повлиял на ротацию своего родственника, ни разу не воспользовался свободными отступлениями в работе и вызвал тем самым неподдельное уважение со стороны своих коллег.

Сместивший действующего руководителя, к которому шёл тогда на собеседование, он заставил тем самым Кирилла Левина ненавидеть себя. Левин явно сожалел о том, что когда-то принял Виктора на работу.

Но тот всегда полагал, что успех не может прийти безответно и, погладив тебя по голове, умчаться к другим счастливицам.

Виктор работал день и ночь, чтобы доказать шептавшимся вокруг лицемерам, что он и сам многого стоит. В общем-то, доказав это и создав парочку крупных проектов, он уволил тех самых шептунов.

Сегодня, спустя два года после судьбоносной встречи с Ростиславом, Виктор собирался созвать команду для обсуждения третьего своего крупного проекта, в котором он принимал участие как компетентный наблюдатель, время от времени наловчившийся мастерски поправлять тесаком деревянные фигуры и сопровождать рабочие процессы своим правильным, ораторским языком.

Анюта посмотрела на него из-под модных очков в чёрной оправе и тут же встала с рабочего постамент, предварительно развернувшись на мысках красных туфель вновь. Положив незаметно трубку телефона, она протянула свою изящную руку к кофемашине и спокойно взяла вспененный от резкой струи напиток. Потом также изящно продефилировала к соседнему кабинету и, пронесся за собой невидимую ароматную тень духов из нежной фрезии и жасмина, поставила белый фарфор к боссу на стол.

– Я позвонила Юркову. Вы же не против того, что я проявила инициативу и подготовила его к возможному собранию.

Она улыбнулась так, как если бы вся невинность давно прошедших дней проснулась вдруг по прошествии десятка лет и вылилась на её искусственный, но такой чарующий румянец.

– Что ж, мне нравится твоя предприимчивость, – улыбнулся Виктор и проследовал в кабинет. – Не забудь тогда созвать всех оставшихся из группы Е-4.

– На десять?

– Разумеется.

Аня работала у Виктора вот уже полгода и привыкла к тому, что он ценит время, и поэтому, повторяя цикл похожих друг на друга рабочих событий, не любит обговаривать одно и то же вслух больше двух раз. На самом деле всё было гораздо проще – макеты, которые стоили больше 500\$ и выше обсуждались по вторникам в десять утра; макеты с яхтами стоимостью 499.99 \$ и ниже в четверг в час дня. Прайсы всех корабликов, как называла их по-женски Аня Черчина, висели у неё на уровне глаз рядом с ноутбуком.

– Группа дизайнеров элит приглашается на заседание сегодня в десять, – прошептала она в микрофон, нажав онлайн-режим. – Группа дизайнеров элит приглашается в десять часов утра в зал заседаний, – повторила она, чувствуя в этот момент своё превосходство.

В двенадцать часов, облачившись в пальто персикового цвета и повязав спокойного коричневого оттенка платок, Анюта проскользила сквозь вестибюль и, приподняв воротник, спустилась на асфальтированную дорогу шумной улицы северного округа Москвы. Выставив тонкую руку, облаченную в кашемировую перчатку, она некоторое время таксовала и ожидала

возможного частника, который отвезёт её к Чистым прудам на улицу Чаплыгина в знакомую трактирию. Наконец, таковой появился, и унёс её на старом «Вольво» в сторону центра.

В кафе она подошла к мужчине сорока лет, одетому в чёрный облегающий костюм с галстуком-лентой. Его волосы с элегантною проседью выдавали его жизненный стаж, но если бы они были чёрного цвета и густые, как раньше, то ему вполне можно было бы дать тридцать лет – настолько он выглядел молодо, и, казалось, совсем нетронутый морщинами.

– Кирилл Андреевич, еле вырвалась. Сами знаете, как важно в нашей компании оставаться пунктуальной. – Аня смастерила одномоментную улыбку, похожую на растянутую вдоль улицы рекламу-растяжку зубной пасты.

– Час, однако, у нас имеется. Насколько я помню, обед по расписанию никто не отменяет.

– Ох, Кирилл Андреевич, еще как отменяют. Иногда мне кажется, что как раз в обед и происходят самые что ни на есть рабочие трудности. Как будто бы дом сгорит или кто-то под капельницей погибнет, если в течение сего же часа не найти для него тот или иной адрес в интернете, забронировать гостиницу, оформить билеты и всё такое...

Кирилл Левин понимал, что такого рода профессии, которой владела Аня, свойственно казаться жалкой, несправедливой и малооплачиваемой. Тем не менее, он прекрасно понимал, что девушки сами выбирают себе такую работу, вполне осознавая, что на ней ты сам себе не принадлежишь. Работа секретарём подразумевает отсутствие творческого развития, срывает все эгоцентричные попытки проявить себя как личность, и только молодые, не обременённые опытом красивые создания могут предполагать, что просиживание в красивой обстановке большого и светлого помещения с аквариумом может развить все их попытки найти себя в той или иной отрасли. Чего не скажешь о женщинах зрелого возраста, которых не интересует наличие на работе молодых и симпатичных специалистов, свободное время для обработки ногтей и просиживание часами в социальных сетях. Зрелые женщины пойдут работать, чтобы кормить семью, и чтобы одновременно было время на вязание шапочки внуку и ещё много чего интересного, пока начальник на заседании или в отъезде. Но мнение Кирилла сводилось ещё и к тому, что всевозможные жалобы молодых леди, устраивающихся на ресепшны и просто приёмные, связаны с их внутренними налётами на жалость со стороны окружающих, своего рода поглаживание по голове. После этого у девушек возрастает самооценка, и они вновь чувствуют себя королевами среди офисного быта. Поэтому подразумевая положительную реакцию и надеясь на симпатию со стороны красавицы, он начал её жалеть. Сейчас это было выгодным.

– Анечка, но вы же понимаете, что поэтому я вас сюда и позвал, – начал он, – как только вы выполните мою маленькую просьбу, у вас появится новая кредитная карточка, которая избавит вас от необходимости работать.

Он сказал это сладким, медовым голосом, услащая свой природный баритон и пытаясь тем самым найти общий язык со студенткой юридического факультета неизвестного ему заведения.

– Ваша работа, она, как бы вам попроще объяснить, не должна отнимать у вас столько времени, сколько отнимает сейчас. Во времена моей работы в «ЯхтСтройТехноЛоджис» я так со своими сотрудниками, тем более с такими красивыми сотрудницами не обращался. Это же всего-навсего обед. Молодым и артистичным девушкам с вашими данными не следует перетруждаться. Наоборот, я считаю, что у каждого сотрудника должен быть свой личный час, который он сможет посвятить себе самому, не отвлекаясь на производственные ненужности.

Аня Черчина застенчиво улыбнулась, накрутила на палец прядь каштановых волос, отпустила её и отпила из идеально натертого салфеткой бокала с минералкой. Кирилл лишь на мгновение бросил взгляд на оставленный губной след на стекле.

– Кирилл Андреевич, уж не думаете ли вы, что я сегодня вырвалась к вам на встречу ради кредитной карточки?

Левин посмотрел ей прямо в глаза и тоже сделал короткий глоток, поставив свой бокал рядом с бокалом Ани. Во взгляде чувствовалось напряжение и натянутость, но всё это не походило на застенчивость и поэтому не соперничало с возможными этическими понятиями чести. Левин знал, что секретарша его нарисовавшегося когда-то соперника вполне понимала правила игры, которые он ей предложил, и почему бы ему сейчас, – успешному и твёрдо стоящему на своих ногах бизнесмену, – не лукавить и перестать выдавливать из себя дешёвые комплименты и поразительные иллюзии, а вести себя вполне естественно и не затягивать долгих романтических этюдов.

– Но кредитная карточка, моя дорогая, вполне может явиться аргументом для вашей траты времени на такого скучного и старого джентльмена, как я. И потом, зачем нам с вами тратить время и разжёвывать неприятные договоренности, если можно сразу назначить цену и не опоздать к своим привычным, рутинным обязанностям.

Он протянул ей золотую «Визу» немецкого банка и, задержав кредитку в воздухе на пять секунд, проскользил ею, играючи, в направлении чёрного клатча, оставленного Анной на столе, открыл его, не отводя взгляда от собеседницы, и незаметно кинул внутрь почти невесомый подарок.

– Я думаю, мы договорились.

– Я думаю, я не буду с вами спорить.

Кирилл поднялся из-за стола, достав из портмоне несколько гладких купюр, и, застыв на доли секунд в зале кафе, накинул на себя чёрное пальто. Ещё несколько мгновений, и он скрылся из виду в пешеходном переулке. Затерялся за безликими телами прохожих, и лишь край его мужского платка показался Ане достаточно колоритным, чтобы догнать его взглядом и удостовериться, что тот уже свернул на широкую улицу и, возможно, навсегда потерялся для неё в потоке транспортного хаоса.

Сорвать важную для Виктора сделку и опозорить его перед Серафином Родиным – было той самой задачей, за которую она только что получила сумму, сравнимую со стоимостью иномарки, заказанной ею полгода назад. Сорвать договор было невозможным, так же как невозможным оставалось дальнейшее её знакомство с Левиным, что послужило бы достаточно основательным компроматом при возможном разоблачении. Аня намеревалась уволиться в ближайшее время под предлогом надвигающегося дипломного проекта в своем ВУЗе, тем более что работа секретарём не давала ей совершенно никаких перспектив, которые она рисовала в своих мечтах, будучи ещё первокурсницей. И потом, Левин успел ей дать парочку контактов, хоть они и не связывали его существенными деловыми или дружескими связями, а лишь проходили когда-то в его жизни, как проходят единожды мимо одного необитаемого острова разные корабли. Один из таких контактов являлся директором модельного агентства, другой предлагал вакансии для начинающих юристов. В общем-то, выбор секретаря «Яхт-СтройТехноЛоджис» оставался за ней самой, и тут главным было не ошибиться в расчётах предстоящей аферы, которую она подготовила для Виктора Шемякина.

4.

– Мюзикл был волшебным! – мурлыкающим голосом воскликнула Ката, как только они с Виктором вернулись домой. Она сбросила туфли по разным углам и подкинула клатч по направлению к дивану, так что тот сделал разворот в воздухе в триста шестьдесят градусов и приземлился на подушке.

– Здорово, что пошли. Мы с тобой давно никуда не выбирались. А на мюзиклах я не была триста лет.

– Я рад, что тебе понравилось. Правда, – улыбнулся Виктор и со вздохом развязал шнурки. Представление ему понравилось тоже, но усталость, накопившаяся за неделю, дала о

себе знать наваливающимся тяжёлым сном ещё в кресле театра. Он старался гнать наваждение, как мог, и периодически заваливал голову на мягкий подголовник в первом ряду.

– Как ты думаешь, Звягинцев не заметил стекающую по подбородку слюну? Я боролся со сном, как мог.

– На актеров направляют софиты, они не видят тёмный зал, – раздался глухой ответ в сопровождении звука струящейся воды в ванной комнате. – Но мог бы и потерпеть.

– Если бы они так синхронно и динамично не танцевали, Монте-Кристо бы оказался лучшим нянькой, что читает сказки на ночь. Каждый раз, когда Звягинцев начинал свой монолог, я тут же погружался в кресло и...

– Я думаю, если бы он что-то заметил, он бы тебе об этом сказал, милый. Актёры – они такие эмоциональные.

Виктор плюхнулся на диван, не намереваясь снимать с себя костюм, и тут же щёлкнул пультом телевизора.

– Лучше-е в до-о-м несём, – пропела с экрана без единого изъяна модель.

Виктор ещё раз попытался вспомнить, не обидел ли он чем своего товарища Михаила Звягинцева, который играл в мюзикле главную роль. Закрыв глаза, он лениво попытался вспомнить, что говорил ему после выступления и как тот реагировал. Впрочем, диалог был коротким, так как не только Виктор пришёл поблагодарить Михаила с успешной премьерой, но и ещё человек двадцать молоденьких и достаточно симпатичных девушек, которые визжали от восторга, чувствуя дистанцию в два метра, отделяющую их от кумира. Пришли и другие поклонники. Судя по тому, что их не останавливала охрана, это были знакомые Звягинцева. Они дарили ему букеты, различные статуэтки и пожимали руки, обмениваясь друг с другом приветствиями, похлопываниями по плечу, и отходили в сторону, чтобы пропустить других желающих поблагодарить артиста за прекрасно проведённое время.

Шемякин познакомился с Михаилом годом ранее, до его дебюта в крупном проекте. Тогда весной группа не известных бизнесмену актёров взяла напрокат у него «Лилию» – первенца, как называл её Виктор, в своём ряду. Обычно Шемякин мало интересовался своими клиентами, но эти заказчики попросили именно «Лилию», достаточно своеобразный выбор смутил Виктора и как любой предприниматель, чувствуя подвох, он решил познакомиться с ребятами – правильное будет сказать с мужчинами, – намеревавшимися покататься на судне пять часов. Дело в том, что «Лилия», несмотря на мягкое и созвучное своё название, была самым грубым проектом Виктора. Сделанная из дерева, не самой лучшей маневренности она заслужила тогда не самую высокую оценку сюрвейера. Что тут скажешь – первый блин комом! Но Виктор, тем не менее, не стал от неё избавляться, испытывая некую родительскую любовь к своему первому творению, и оставил её в окружении других, более поздних своих работ и работ своих коллег. Как объяснили ему актёры, им нужна была яхта, которая не привлекала бы к себе внимания, так как они намеревались провести спокойный и весёлый корпоратив. Впоследствии, после успешного мероприятия, именно Звягинцев приехал к Виктору, чтобы арендовать у того уже более престижный образец. Разговор затянулся. Мужчины беседовали на разнообразные темы, отвлекаясь на смешные моменты и удивляясь способности одних перевоплощаться в другие образы и, наоборот, способности образов влиять на характеры людей.

– Помнишь главного героя из нашумевшей саги о вампирах? – спросил Виктор жену и растянулся в мечтательной, немного блаженной улыбке. Он вытянул свои длинные ноги, облачённые в трикотажные отутюженные брюки, и запрокинул голову на боковой подлокотник кровати, положив предварительно большой палец руки между зубами. Теперь он походил на самого себя, так часто пребывающего в собственных переживаниях и размышлениях. – Так вот, однажды после съёмок он зашёл в бар и, нахомячившись английской пурги, укусил прямо в шею не понравившегося ему посетителя. Тот от неожиданности так испугался своего превращения в демона тьмы, что выбежал пулей из бара под смех и аплодисменты остальных выпивак.

– Ты это к тому, что когда у тебя есть слава и деньги, можно творить всё, что взбредёт в голову?

– Я это к тому, что статус в жизни каждого из нас влияет на аспекты личной жизни.

– Что ты этим хочешь сказать? Что-то я не замечала, что мой любимый Виктор Геннадьевич дома ведёт себя так же властно, как и на работе. По твоим рассуждениям, ты сейчас должен попросить меня принести тебе орехового эспresso. – Ката прокатилась помпезно по ламинату, изобразив при этом что-то, напоминающее зрителю Ан деор (3).

– Да. Я хочу этим сказать, что когда у тебя есть слава, правильное положение и деньги, ты можешь зайти в понравившийся тебе бар и укутить там кого-нибудь за шею.

– По твоей логике, если ты богат, ты можешь отклоняться от норм поведения, признанных в обществе повсеместно.

Виктор продолжал покусывать большой палец, что говорило о его мыслительном процессе в этот час, в эту минуту.

Из-за стены возникла белокурая, похожая на фигурку комедианта из-за сжатых в улыбке губ и выпученных глаз подруга семьи Шемякиных.

– Привет, родители! Как концерт?

Лена высунулась из-за стены, обхватив пальцами выступ уходящей к потолку закруглённой арки. Вначале проход имел квадратные углы, но замысел дизайнера состоял в смягчении пространства.

– По-моему, мы смотрели мюзикл, – пробурчал с закрытыми глазами Виктор. Это так теперь называется. Все поют и танцуют, – зевнул он.

– Судя по всему, всё прошло чрезвычайно скучно, – улыбнулась Лена.

– Всё прошло чрезвычайно весело!

Ката вытянула руку вперед, динамично наклонила голову и проскользнула еще раз, изобразив на этот раз что-то напоминающее Ан лер (от фр. en l'air – на воздухе, термин, указывающий на то, что движение исполняется по воздуху).

– Как Никитка?

– Никитка пока ещё не понимает, что такое образ, и слава тебе, Господи, за это. Сегодня всё по расписанию! – Лена приставила честь правой рукой, а левую положила вместо пилотки, – уснул после «Трёх Поросят», как миленький.

5.

«Что-то платьице у тебя неказистое?» – спросила у меня свекровь в день свадьбы. «В следующий раз лучше будет!» – ответила я.

На следующий день Лена зашла в офисное здание и принялась за каждодневное женское занятие, выполняемое регулярно миллионами женщин на планете, – поиск нужной вещицы в, казалось, бездонной женской сумочке. На этот раз она искала пропуск, чтобы предъявить его охраннику. Наличие документа, удостоверяющего личность, было обязательным условием для прохода в коммерческую организацию. Какая-то женщина получила ключ и расписалась за него. На турникете замигала зелёная стрелка, и женщина прошла, провожая глазами неаккуратный почерк, рисующий очередно уже её фамилию.

Лена подумала о своих знаменитых предках.

Она носила фамилию известного в купеческие времена фермера и кулака Барыса Ярыса. Сто голов козых душ и с пятый десяток коров, да свиней он накапливал и продавал на пяти своих участках, каждый из которых запросто мог посоревноваться со знаменитыми техасскими фермами. При виде Барыса прохожие снимали шляпы и кланялись, многие дивились его организаторским способностям справляться с работниками чинно и справедливо на пяти десяти-

нах земли. И всё один работал, как говорили тогда, без жёнушки. Померла в сорок пять лет, оставив ему в приданое дочку Лизавету, бабушку Елены.

А сейчас правнучка большого бизнесмена стояла в очереди, чтобы получить пропуск, и ни разу не заметила удивлённых глаз хотя бы одного человека, который улыбнулся бы просто потому, что фамилия была на слуху. Наоборот, быстрее других оформляли и уж точно не улыбались.

Но от дедушки у Лены только фамилия и осталась...

Организаторских способностей она у себя не замечала, да и организовывать было, по большому счёту, нечего. Фермы те давно перешли государству из-за неправильного оформления наследства.

«Ведь нашли, гады, к чему придаться! Лишь бы захватить чужой пот и слёзы», – как рассказывала мама маленькой Леночке и гладила её по волосам, утешая свою несмышлёную дочку. Как тут ещё объяснить ребёнку, кто такие «комитеты бедноты», и как они отбирали у зажиточных крестьян их богатства. Сама мама Лены тоже не застала «сытого» детства. Помнит лишь только, как снарядили её как-то в дорогу из села, в котором она родилась, в Брест. Там она и прожила полжизни, родила девочку.

Лене было 9 лет, когда крупная металлургическая компания предложила её матери должность инженера в Москве.

Мама до сих пор жила в их старой квартире в Митине, куда Лена часто приезжала. Отец жил вместе с ней, но никаких привязанностей к ней не имел. Он жил в разных комнатах, делили один санузел и холодильник, имели отношения коммунальных соседей по комнатам.

Лена же работала клерком в компании, организующей спортивное питание, в кадровом отделе. И уже давно не примирилась с мамиными советами, съехав в арендуемую квартиру в 23 года.

После работы Лена зашла в многоквартирный дом, где они жили с Алексеем и его мамой. В воздухе стоял спёртый запах непроветренного помещения. Когда у Лёши было плохое настроение, он закрывал все форточки и двери, чтобы не слышать людской суеты, и погружался в одинокие, молчаливые размышления, нарушаемые только естественным ходом старинных часов, что висят в холле.

Девушка обратила внимание, что сигаретный дым ещё до конца не рассеялся и густым пластом лежит под потолком кухонного помещения. Так много Алексей курил, когда они с коллегой проигрывали крупное дело на работе. Тогда он отравлял свои лёгкие, стараясь отравить память. В такие минуты его поведение казалось агрессивным. Зарывшись глубоко в кресло и держа в руке рокс с неостывшим виски, он наблюдал за тенью его гражданской жены.

– Лёш, а где мама? – спросила она тихо. Только сейчас она увидела, как странно сложены в стопку вещи её свекрови. Та, будучи абсолютно неаккуратной женщиной, никогда не складывала своё бельё так прилежно. И этот запах... Первое, о чём она подумала – парное мясо, купленное три дня назад ею на рынке. Неужели она забыла его на балконе. Сейчас же +10 градусов. Оно просто-напросто стухнет. Или уже стухло.

– Ты знаешь, ка...кая ссаемая главная прблема в нашей жизни? – неожиданно перебил он тень, так и не повернувшись к жене.

– Послушай, ты очень серьёзно относишься к своей работе. Если каждый адвокат будет переживать так за не выигранные и прогоревшие дела, какой из него выйдет профессионал? Когда ты уже поймёшь, что жизнь – это череда проблем и удач. Что, принимая всё так близко к сердцу, ты не вернёшь упущенного. Потом, своим отношением к этим твоим криминальным смертям ты доведёшь всех своих близких до истерики. Почему ты не можешь заниматься административно-хозяйственными делами, если не можешь справиться со своими эмоциями?

– Ужж..е довёл, – буркнул Алексей. Голос его дрожал от выпитого.

Она подошла к окну и отдёрнула плотные синие портьеры, впустив в комнату угасающий дневной свет. Холодный и необходимый ветерок ворвался в закрытый «кукушник» и пролистал на книжной полке несколько страниц какого-то медицинского справочника, который не открывали уже много лет.

На кухне было чертовски грязно. В раковине валялись сковородки и приличная гора посуды, стол был измазан липким зелёным веществом, которое впоследствии оказалось сто-матифитом. Елены Викторовны – мамы Лёши – нигде не было. Возможно, она уехала на дачу или пошла в магазин.

Лены не было дома три дня. Сначала она была у общей с Катой подруги Жени. Та устраивала в выходные в загородном доме девичник перед предстоящей свадьбой. А вчера весь день гостила у Шемякиных. Но её не удивило, что за это время в доме образовался такой бардак – Лёша был неаккуратным, как и его мама.

В квартире было три комнаты, каждая из которых была выполнена в определённом стиле. Ядовитые оттенки зелёного, красного и жёлтого навевали мысли о действующем на дороге правиле светофора. Зелёная комната – в этой комнате можно делать всё, что душа захочет. Жёлтая – смотри, что хочешь, но вещи не трогай. И, наконец, красная – посторонним вход воспрещён. Наиболее объясняющим фактором служило то, что красная комната принадлежала как раз маме Алексея. Такие яркие и необычные оттенки для квартиры она выбрала совсем недавно, пригласив откуда-то извне именитого, по её словам, дизайнера интерьеров. Откуда у неработающей пенсионерки такие фантазии по поклейке и покраске стен, Лена догадалась с трудом. У женщин в период бальзаковского возраста часто возникают бредовые идеи. Но вот откуда у неё деньги на столь современные материалы и услуги – этого Лена так и не поняла. Алексей бы ей не дал их по определению. Он был против какого бы там ни было ремонта, аргументируя это тем, что копит деньги на своё жильё. При этом, именно от матери он и унаследовал свои прижимистые черты.

Возможно, копившая на ремонт дачи деньги свекровь решила, что нечего их откладывать, как это делают большинство матерей её возраста. А лучше бы переделать всё, что и так у тебя есть, на современный лад.

Так на кухне появился бар в виде глобуса, набитый бутылками недорогого содержания, но внешне вполне впечатляющий своими размерами; в коридорах – японские вазы и разукрашенный под сакуру зеркальный шкаф-купе. В ванной комнате, которая носила совмещённый с туалетом характер, Елена Викторовна установила телефон и радио. А комнаты, по задумке, перекрасила в кричащие оттенки. Что только не взбредёт в голову женщине с её характером.

Квартира получилась вполне авангардной, хоть и с некоторыми привычными деталями.

Лена давно уже смотрела на такие несуразницы достаточно равнодушно, стараясь не вмешиваться в чужие мысли. В конце концов, этого следовало ожидать от такой своенравной и упрямой женщины. Если бы не Ленин покладистый характер, они бы уже давно разъехались, тем более было возможно снимать квартиру и дальше. Но неизвестно, как сложилась бы тогда её жизнь.

Правда, сейчас она ни о чём не жалела. Лишь иногда хотела и думала о чём-то менее возбуждающем, чем все эти странные оттенки и разговоры о том, как жили плохо в советские времена.

Она ещё раз осмотрела беглым взглядом красную комнату и обратила внимание на отсутствие маленького коричневого чемоданчика, который свекровь купила на рынке. Он стоял всегда под письменным столом женщины. А сейчас его не оказалось, как и не оказалось огромной, на Ленин взгляд, косметички, раскрытой постоянно для каждодневных процедур по уходу за лицом. Она в действительности занимала половину стола, когда мама Алексея начинала свой

обряд по наведению макияжа, отдавая этому процессу два часа своей жизни в день. Со стола также исчезли несколько тюбиков омолаживающих кремов.

– Она уехала в Израиль, – неожиданно чётко выговорил Алексей. Глаза его застыли в стеклянном взгляде и выглядывали из-под заплывших век, стараясь держаться ровно и не моргать. Сиреневые синяки рассказывали о продолжительности запоя, а мятая выходная рубашка – о нежелании заканчивать банкет.

– Да, – продолжил он, – я дал ей денег, и она укатила к Господу Богу на родину.

Лена была в замешательстве. Почему Алексей не сказал ей о том, что купил тур матери?

Лена удивилась, услышав новость об отъезде.

– Как? Ты ей дал денег? Мы же этим летом собирались поехать в Доминикану.

– Собирались – значит поеде-е-м, – пропел Алексей, – а маме нужно немного отдохнуть.

6.

Тонкие женские шпильки итальянских туфель с красной подошвой продефилировали по мокрому после поливочной машины асфальту и, задержавшись у высокого порога на несколько мгновений, забежали за стеклянное основание двери.

– Скажите, у вас есть зёрна робусты с ореховым экстрактом? – профальцетила Анна, соединив свой ласковый голосок с манерной, обведённой блеском улыбкой.

Продавец кофе и чая на углу мощённого центрального бульвара развернулся в поисках нужного пакетика бодрящих зёрен и, найдя соответствующее название, протянул девушке аккуратно завернутый свёрток.

– Сто грамм 350 рублей. Отсыпать побольше?

– Нет. Достаточно. Кофе должен быть свежим, не так ли? – улыбнулась Анна и оголила ровные белые зубки.

Аптеку в этих местах оказалось найти гораздо труднее кофе, продаваемый сорт которого был чрезвычайно редок и непопулярен в связи с низкой классовостью – робуста занимала вторую позицию после арабики.

Хотя вдвоем в составе их можно было увидеть часто. Робуста добавляла крепости душистой арабике.

Казалось, что в центре Москвы люди только читают и едят, а лечиться сюда никто не ходит. Вокруг возвышались трех- и пяти-этажные строения, на первых этажах которых снимали помещения кафе разной национальной кухни сувенирные лавки и магазины странных и антикварных вещей, книжные бутики и закусовые Аптеки нигде не было видно.

«Так вот кто заболел, так и не найдёт лекарства, – подумала девушка. Но ей-то фармацевтический магазин нужен был не для лечения, а скорее для «усугубления». Но последнее тоже считалось спорным, так как препарат, который она искала, в оптимальных дозах способствовал облегчению болей в организме человека, улучшению памяти и активизации мышечных двигательных процессов для тех, кто испытывал в этом необходимость. Однако в увеличенных дозах препарат представлял, в самом что ни на есть доскональном смысле, угрозу для правильного восприятия действительности, в ином смысле, вызывал галлюцинации. Получить лекарство можно было только по рецепту, поэтому Анна подготовилась к предстоящей покупке весьма организованно.

Помог ей в этом знакомый профессор из университета.

Сергей Иванович Толбин работал фармацевтом в одной из сети аптек, разбросанных по разным округам Москвы. В той, которую сейчас искала его студентка, рассказавшая ему о болезненных передвижениях ее матери, – соврав, конечно, об этом – работал его компаньон, коллега и просто хороший знакомый.

Странно, что в центральном округе большого города Анна не могла заметить ни одной аптеки.

Наконец перед глазами мелькнула красная вывеска, и это оказалась как раз нужная ей аптека.

– Октаболлин, – перечитал фармацевт с листка и крайне удивленно перевёл взгляд на Черчину, – думаю, что Сергей Иванович что-то перепутал, девушка, – причмокнул он. – Такое лекарство выписывают людям с нарушенной нервной системой. Будет гораздо лучше, если вы обратитесь к психиатру. А ваша мама, по вашим словам – вполне адекватная женщина с...

Он не успел окончить, как Анна перебила его, пустила в ход свое фирменное обаяние и приблизилась к мужчине поближе, чтобы что-то прошептать. Она рассказала фармацевту о том, что мама страдает редким случайным расстройством, которое не могут диагностировать в их поликлинике.

– Мама, конечно, на прохожих не кидается. Вы не подумайте, – улыбнулась она, – но каждый раз, когда у неё начинают ныть суставы в коленях, она (Анна пригнулась ниже, чтобы прошептать как можно тише) разговаривает с моей умершей бабушкой.

Анне надо было любыми способами одурманить своего босса. В голову лезли всевозможные варианты, исчезающие по мере осознания тяжести последствий. Об убийстве речь не шла однозначно. Благо, пример собственной жизни играл здесь главенствующую роль. Аня знала не понаслышке, как тяжело терять близких тебе людей. Суеверная на этот счёт, она полагала, что поступи она так же, как когда-то поступили с её родителями, она автоматически превратилась бы в героя криминального чтива. Тем более что моральные устои сложившегося характера не влияли положительно на такие раздумья. Она поступала на юридический, чтобы расследовать криминальные происшествия, а не участвовать в их подготовке. Но, тем не менее, подсыпать своему боссу галлюциногенный препарат в день проведения очередной презентации тоже считалось преступлением, и она это прекрасно осознавала. И только обнадёживание себя в том, что купленный ею препарат не усугубит жизненные естественные процессы Виктора Шемякина, успокаивало её и направляло сознание на более приятные представления о готовящейся афере. Подставляя Виктора, она получала крупную сумму безналичного перевода, полную анонимность и уверенность не только в завтрашнем, но и последующих днях, ведь материальная сторона оплатит ей недостающие в финансовом отношении семестры и машину, а нежелание Левина засветиться в проекте – полный разрыв отношений с ним и начало своей новой безоблачной карьеры.

Препарат она не получила. Знакомый её профессора ей не поверил и отправил за рецептом.

С мыслью о галлюциногене и улыбкой на обведённых безупречно губах Анна прошла через стеклянную вертушку офисного здания, миновала ряд облачённых в синюю униформу сотрудников охраны и проскользнула в закрывающийся лифт.

– Куда же вы так спешите, девушка? – томно и одновременно строго спросил мужчина в полосатом костюме.

Черчина бросила на него равнодушный взгляд, но тут же поймала себя на том, что их глаза как-то странно остановились друг на друге, и невидимая искра, пройдя по всему телу и задержавшись где-то в середине, ударила обоих. Лёгкий холодок пробежался приятными мурашками по телу, сменив совершенно противоположный ему налетевший вихрем жар. Анна покосилась, как ей показалось незаметно, на гладкие блестящие туфли мужчины и брюки-карандаш. А затем заметила легкую щетину, под которой едва заметно вздёрнулись ямочки, что явилось знаком несомненной интриги и симпатии к ней.

Андрей Лукенко сегодня был одет с иголочки, подобающе заместителю проектного отдела своей весьма солидной компании. Аня почувствовала слегка уловимый аромат.

«Georgio Armani Aqua Jio».

Он мог исходить от любого другого мужчины в этом лифте, но она уже знала, что этот притягательный и неожиданный набор свежих и сладковатых ноток принадлежит именно Лукенко.

Прошло всего лишь две минуты, как офисный лифт поднял их на пятый этаж. Но за эти сто двадцать секунд Анна посмотрела на Андрея совершенно иначе, нежели она смотрела на него до этого. И как это она раньше не замечала, как он хорош собой. Это же совершенно не его стиль – эти брюки, галстук, рубашка... Ах, как же они ему к лицу.

Вместе с Виктором он должен скоро выступать, представляя проект элитной «ЯТУ-345», у которой было второе – более привлекательное имя – ЯПС «Гавана».

На секунду Анна залилась багрянцем.

Но отнюдь не оттого, что ей понравился Андрей. Он же должен выступать с Шемякиным. Он отличный профессионал своего дела. Если Виктору станет плохо, и он удалится с арены, то Лукенко может не растеряться и произвести впечатление на покупателей...

7.

Легче любить воспоминания, чем живого человека.

Пьер Ля Мюр

Лена лежала и смотрела в выбеленный в два слоя потолок. Её безразличные серо-голубые глаза смотрели в одну точку, точно стеклянные шарики с застывшей сердцевинкой. Губы немного подёргивались, будто повторяли какой-то текст; пальцы рук автоматически закручивали несколько волосков, создавая не получающийся, но воображаемый локон. В голове крутилась нескончаемая канонада отрывков фраз и предложений; значимых и незначимых звуков – шум капающей воды, взмах крыльев голубя за окном, реклама на телевидении и мужской смех. Казалось, конца этого шума не было предела, хотя в реальном времени проходили лишь короткие минуты.

Она думала о нём.

О человеке из её прошлого.

Мысль о котором была последним оплотом, который она не могла просто взять и выбросить; подарить и оставить. Эти мысли являлись её последней надеждой хоть как-то поддерживать с ним связь – пускай и на уровне воспоминаний, фантазий и воображаемых картинок. Николай Даримов был тем самым героем её прошлого, к которому она каждый раз возвращалась, оставаясь подавленной сегодняшними неурядицами. Она придумала его нынешний образ, его внешний вид, взгляд и даже ответы на интересующие её вопросы. Когда-то, до встречи с Алексеем, он её очень любил и верил в их нескончаемый союз. Она была с ним 10 лет... Десять долгих лет, наполненных его любовью, уважением и преданностью. Он отдавал ей всё, что мог отдать, и любил её одну, как любят дети своих матерей, – беспричинно.

Как любят лебеди свою избранную лебедку, готовые чистить ей сухие от мороза перья. Он любил её за то, что она жила и дышала, – это всё, что ему было необходимо, не исключая верности ему...

Алексей явился той мужской непосредственностью, которой Лене всегда не хватало в Николае.

Она полюбила его за гордость и убеждение в том, что надо стремиться изменить мир к лучшему. Его идеалистические идеи влюбили в себя не только Елену. Алексей был как гуру и маэстро, рисующий невозможные правила жизни, которым влюбившаяся в его внутренний

революционизм женщина хотела потакать. Тогда он работал бизнес-тренером, был центром внимания хорошеньких девиц. И, посвящая каждую свою ученицу в свои глубинные познания о том, как правильно составить бизнес-планы и вырваться на рынок предпринимательских уловок в первые ряды счастливиц, он не заметил, как Лена начала в нём растворяться, рисуя себе воображаемые иллюстрации их возможного будущего. Она чётко знала, что пришла тогда на эти тренинги, чтобы, наконец, поймать свою удачу и вылезти из круга усреднённых девиц гораздо выше. Но что она могла поделать со своим удваивавшимся желанием заполучить в качестве награды собственного бизнес-тренера? Он бы ей рассказал в приватной беседе, как стать лучшей из лучших...

Она не пыталась гнать от себя эти романтические идеи вон. В ней зажглась искра, которая манила её к невероятному открытию, значение которого она сама пока не понимала, но верила, что оно будет колоссальным.

Она ушла от Николая к своему гуру.

Она не отвечала на звонки и смс Даримова.

На другие его переживания, выраженные в социальных сетях.

Она растоптала его веру, лишила себя святого избранника ради страсти и самоутверждения. Она оправдывала себя тем, что всегда нужна жертва.

А как иначе?

Николай же любил её, даже когда она его раздавила, превратила в ничтожное, сошедшее с ума от любви существо.

Она прикрыла ладонью готовящийся взорваться от жалости и любви к нему рот. Лёжа в своей маленькой комнатке, она всхлипывала, как девочка, потерявшая маму. Ей было невообразимо себя жаль, жаль, что она не предусмотрела десять лет тому назад все возможные издержки своего бизнес-плана, главным фигурантом которого являлся Алексей. Он любил её, любил и желал, но иногда поступал так, как Николай никогда бы не поступил. Он вёл себя плохо и капризно, эгоистично; ограничивал Ленины желания и интересы.

Во многом она его благодарила за это, так как ничто не делало её сильнее, как эти самые ограничения. А во многом она возвращалась к мысли о том самом Николае, которого она посвятила в свои ангелы. Он появлялся в её жизни тогда, когда с Алексеем что-то не клеилось.

Не по-настоящему.

В её воображении.

Она придумывала себе картинки различной деятельности с ним и воображала, как они реализуются. «Вот они встретились спустя два года. Она рассказывает ему о том, как ей тошно на душе от того, как она поступила с ним, и просит у него прощения.

– Ты меня всё ещё любишь? – наивно спрашивает она, заведомо зная его ответ «ДА».

Он произнесёт это тихо, слегка моргнув, но всё же глядя ей в глаза. А потом добавит:

– Конечно, я не испытываю к тебе того, что испытывал раньше, потому что твоё поведение... – он прервётся, а Лена договорит:

– ...было отвратительным, я знаю.

А потом она расстроится из-за его ответа, как будто ей будет мало того, что её хоть как-то любят спустя целых два года после того, как она его бросила.

Сама.

Потому что поддалась искушению и физиологическому зову, ну, и любви, наверно. А сейчас эта любовь её не радует, не оправдывает своего романтического начала и даже не возбуждает. Потому что не понимает её...

– Да! Моя любовь к тому, из-за которого я тебя оставила, уже не та, – добавит она, – наверно, она иссохла. Понимаешь, он настолько эгоистичен... – начнет она корить того, кто явился причиной их разрыва с Николаем, – что с ним просто невозможно даже отдыхать!

А потом поймает себя на мысли, что рассказывает всё это Коле не потому, что она понимает, что совершила жестокую ошибку и на самом деле всё это время любила его, а потому, что он сидит рядом, любит её и всегда выслушает и примет такой, какая она есть...

Вот и сейчас она воображала, как Николай сидел на краешке её с Алексеем кровати, целовал её заплаканные глаза и гладил волосы. А чтобы она заулыбалась, даже рассказал ей историю:

«А ты знаешь, есть мир, в котором никто не плачет. Там нет горьких переживаний и эмоций. Там нет парочек – тех самых, что мы, люди, себе представили и сохранили в образе Адама и Евы. У них действительно цветёт великое дерево, но оно не запретное. Хотя плоды его и вправду похожи на яблоки.

Они называют дерево любовью.

Стражники-ангелы его оберегают, но лишь только от излишней необходимости любить. Потому что в каждом плоде этого дерева содержится высокая концентрация любви, равная одной сотне дней высокого наслаждения этим чувством, в одном укусе! Мы все друг другом обожаемы, и ты почувствуешь это на себе тоже, когда придёт время...»

Вдруг Лена вздрогнула, очнулась от своей фантазии и начала машинально искать рукой мужа. Его не было с ней в кровати. Возможно, уснул на кухне, как и она только что в спальне...

Маленькая стрелка часов перекатила на единичку, большая скользнула на шестую от исходной цифры 12 черточку.

Лена обнаружила себя лежащей в темноте и вдруг почувствовала невозможность пошевелиться.

Двигались только пальцы, но при этом ощущение работы кистей отсутствовало.

Казалось, и не она сама ими двигает.

Она попробовала поднять голову, но тщетно – голова будто приросла к подушке, и, что самое страшное, девушка ощутила нехватку кислорода услышав хриплость, исходящую из глупин своего горла, так отчётливо, будь у неё приступ астмы.

Хрипотные звуки участились, когда она захотела кричать от страха и непонимания того, что с ней происходит. Отовсюду слышалась канонада звуков непонятного происхождения, похожая на металлическое скандирование различных голосов.

Ей привиделся образ маленького человечка (таким она представляла себе домового – в длинном, как у гнома, колпаке, низкого роста и с пугающей жёсткой, словно проволока, бородой).

С его появлением дыхание стало прерывистее.

Она почувствовала, что это он чинит ей препоны и не позволяет двигаться.

Но зачем?

Странное видение и паралич продолжались, по подсознательным подсчётам Лены, полчаса – в реальности прошло пять минут. Странная реакция произошла от того, что мозг внезапно проснулся, а тело нет. Такое случается при «синдроме старой ведьмы». Пробуждение после быстрой фазы сна может сопровождаться «сонным параличом», галлюцинациями и нехваткой кислорода. Это состояние, при котором человек спит и бодрствует одновременно. Ощущение, как правило, зловещее и пугающее. Лена подумала, что вот-вот умрёт, но вовремя освободилась от чар «домового».

Она побежала на кухню, чтобы выпить стакан воды, в горле было чертовски сухо, что неудивительно – она так долго пыталась кричать.

Включив свет, она увидела неподвижное, скрюченное от неудобной посадки на табурете тело. Алексей похрапывал над тарелкой с недоеденными колбасами и сырами, подёргивал от

вдохов и выдохов плечами, присвистывая тоненько во сне. За его широкой, мясистой и голой спиной висели на стене завоёванные в недалёкие времена регалии. Это были предметы гордости и награды за участие в различных соревнованиях по стрельбе из лука, пневматики и ружья. Пять дипломов, обрамлённых в деревянные рамки, висели на кухне «ромбом», привлекая взгляды заходивших к Алексею и Лене на огонёк.

Что с ним случилось сейчас? Почему он так напился? Эти и другие вопросы неведанной вереницей пробежали в не остывшей ещё от испуга голове. Два прошедших года Алексей только и твердил, как вреден алкоголь, и сам никогда не нарушал незыблемое правило. Сейчас же он показывал другую свою сторону, превратившись из примерного мужа в пьяницу.

Напиться так сильно, да ещё и уснуть «в салате» влекло за собой основательные оправдания такого неприличного поведения. Хотя Лене даже чуточку понравилось, что идеализирующий себя муж наконец-то нарушил одно из своих жизненных утверждений.

Она не стала его будить и выспрашивать, в чём причина столь куртуазного поведения, а просто присела к нему за стол и улыбнулась.

8.

*В девяносто девяти случаях женщины ведут себя, как дуры,
но на сотый оказываются хитрее мужчин.*

Агата Кристи

Андрей Лукенко сидел в японском ресторане и рассматривал висевшие напротив него портреты юных японок различных эпох. Белолицые, с чёрными, как смола, узкими глазницами японки, изображённые в традиционном кимоно с завязанными в канзаши волосами, отображали начало 20-го столетия. Они напоминали «правильно укомплектованных гейш», готовых и сейчас вылезти из своих портретов, показать свои маленькие – похожие на детские – ступни, и кланяться господину. Которым был любой из присутствующих здесь мужчин. Жаль, что эпоха предусматривалась ранняя, и невозможно было разглядеть оттенки атласных ленточек, так искусно вырезанных в причудливые цветы и украшенных бусинками.

Две картины являлись портретами современного искусства фотографии. Девушки с разными стрижками и далеко не бледнящим макияжем глядели на Андрея выразительными азиатскими глазами и кокетливо улыбались, оставляя за улыбкой манящие обаятельные ямочки.

Андрей Лукенко был родом из Украины, но совершенно не походил на хохляцкого мужика. Напротив, в нём ощущалась доля европеизированного лощёно-холёного мужчины, который, в свою очередь, не являлся – как часто в таких случаях бывает – эгоцентристом. Андрей любил ухаживать за собой всегда, хоть и начал показывать это совсем недавно, но больше всего он любил ухаживать за своими женщинами, количество которых не превышало прилично допустимую норму «настоящего» мужчины – одна девушка в месяц.

Эта счастливица никогда бы не ушла от него сама, но спустя пресловутый месяц, который уже ассоциировался у Лукенко с испытательным сроком, он разочаровывался в новобранке и пробовал с другой, но ни одна из не догадывалась о предыдущей.

Проблема была в его щедрости. Он обожал дарить подарки. Часы, кольца, серьги, предметы одежды и нижнего белья из лучших бутиков Москвы его девушки получали регулярно. Так он расплачивался с ними за теплоту и заботу, уважение и, конечно же, за секс.

Охваченная невообразимым счастьем, претендентка показывала свое истинное отношение к деньгам как раз через месяц общения, начиная просто-таки доить своего мужчину, забывая о том, как на первом свидании она клялась и божилась в своем исключительном честолубии и великой неприязни к материальным благам, без которых многие пары чувствуют себя куда счастливее.

Но Андрей не отчаивался. Когда-нибудь же должна была найтись та, которой его деньги были бы совершенно безразличны.

Он ругал себя за невозможность казаться бедным студентом, что могло бы в корне изменить всю сложившуюся ситуацию; оправдывал себя в том, что обман не сулит ничего хорошего, рисуя в своем воображении неожиданно узнавшую о его материальных благах девушку, которая возьмёт и не захочет его разуть.

Возможно, он сам был виноват в том, что открывался перед женщинами в первый же вечер, рассказывая о том, как сделал свой первый миллион, и при этом показывал свои идеальные мужские руки – с аккуратно постриженными ногтями и намазанные кремом от сухости. Но он был твёрдо убежден в том, что быть кем-то другим – это всё равно, что синему киту казаться касаткой. Врать нельзя.

Что плохого в том, чтобы показать свои лучшие качества сразу?

Конечно, он часто сожалел о том, что слишком себя идеализировал, потому что жертв его внимания и ласки хватило бы на центральный московский стадион, – столько же было и жертв непредсказуемого и стохастического прощания с ним.

Вот и сейчас он ждал своего нового первого свидания, надеясь в глубине души на чисто-сердечное создание, что останется с ним на более длительный срок. Может, даже навсегда.

Анюта Черчина сама приклеилась, как банный лист.

Поймала Андрея в коридоре и использовала свой обезоруживающий голос, наполненный долей иронии и даже вины.

– Андрей Михайлович, есть ли в вашем офисе немного горячей воды? Весь третий этаж обошла – здесь, видимо, только едят и ничем не запивают, – прочирикала она со смехоткой.

Андрей посмотрел на её выразительные груди, лишь наполовину прикрытые обтягивающей блузой, скользнул взглядом к сужающейся юбке до колен и остановил взгляд на узких остроносых туфлях, каблучки которых прямо-таки впивались в единственный на третьем этаже кусок линолеума. Если бы остальной пол в свое время не заложили плиткой, во всём коридоре не осталось бы и места, не пронзённого острыми, как шило, шпильками.

Он знал её, как и многие другие, только в одном амплуа – она была секретаршей Шемякина. Привлекательная, сексуальная и, в общем-то, неглупая на первый взгляд. Ещё её звали просто Анной, так как отчества её никто, кроме отдела кадров и бухгалтерии, не знал, а те находились в другом корпусе и редко появлялись в проектно-монтажном отделе.

Найти себе постоянную девушку и, возможно, будущую жену мешало Андрею и то, что он ценил в женщинах отсутствие робости. Прошли, по его мнению, те времена, когда девушка, заведя симпатичного парня, улыбалась и пряталась за портьеры родительского дома; сидела в компании нянечек, шептавших ей о первом поцелуе и угрожавших последствиями потерять голову после этого; ибо же, если девушка-крестьянка ткала для единственного своего Ивана рубаху, благоговей перед ним.

Безусловно, романтизм иногда влетал в голову Андрея Лукенко, забивал его перегруженные, унылые от работы мысли, сподвигавшие на беспричинные нежности и пробуждал в его сердце химические реакции. В такие моменты он мог даже отложить проект и поехать к желанной женщине в другой конец города, чтобы поужинать вместе с ней. Но чем чаще, Андрей бросал свои дела ради возлюбленной, тем реже она старалась для него самого чем-то пожертвовать. Впоследствии вообще теряла к нему интерес, изрекая философскую лирику: «Ничто не может длиться вечно». Или же: «Из того, что вечно, – самый краткий срок у любви».

Аня появилась неожиданно, но всё же позже назначенного времени на двадцать минут.

Ровно столько, по правилам этикета, мужчина должен ждать женщину, не требуя от нее объяснений и причины задержки. Ждать большее количество минут и даже часов считается безосновательным правом мужчины. Ожидание мужчины женщиной правила этикета не предусматривают – это просто считается неприличным.

Андрей читал эти правила в те времена, когда считалось модным юношам четырнадцати лет поступать после восьмого класса в кадетские училища. А правила этикета, так же как и умение танцевать вальс, считались необходимыми в образовании будущих офицеров, одним из которых он хотел когда-то стать.

– Я немного опоздала, – проговорила Анна, пытаясь отдышаться и показывая тем самым, что все-таки спешила на свидание, проявляя уважение к Андрею.

Последний суховато улыбнулся, и Анна немного опешила, пытаясь разгадать его реакцию.

То ли он всегда так сухо растягивал губные мышцы, то ли разочаровался в первом свидании и признал её опоздание неприличным. Хотя Анна опоздала совершенно ненамеренно, и предшествующие этому моменту двадцать минут она с чрезвычайно не свойственной ей скоростью изучала кафельные стены туалета местной клиники.

Аня там разыгрывала чокнутую любительницу кошек и разводила в неположенные стойки свои голубые зеркала души, намереваясь казаться неадекватной.

– Жалобы есть? – произнес врач сухо и тихо, оторвавшись от мнимого косоглазия юной пациентки в длинном до пола сером платье, подъеденном молю.

– Руки болят, – прошепелявила девушка.

Ногти она неаккуратно подстригла и для пущего эффекта покусала кутикулу, так как при онихофагии так сбрасывают напряжение. На свидание с таким юродивым нюансом она появиться не могла, поэтому позже надела ажурные перчатки, под стать модному блейзеру с тонкими лацканами.

– Так не грызите их, дорогая, – всё с тем же спокойствием произнес врач. В вашем возрасте суставы у вас болеть не должны, да и работайте больше руками.

Займитесь рукоделием, постругайте капусту...

От последнего совета Анна съезжилась, представив себя в переднике и набросив портретно несколько жировых складок для придания образа домохозяйки.

«Жировые складки» и сейчас были на ней. Она приобрела их в магазинчике с незамысловатым названием «Fancy shop» близ МКАДа. Неудивительно, что доктор советовал ей такие занятия, потому что, судя по её внешнему виду, ей больше ничего не полагалось, кроме как строгания капусты. А как ещё она должна была выглядеть, чтобы придать своей роли задрипанности и не веселости?

Притвориться психически неадекватной было просто необходимо для выписки психотропного препарата.

Знакомый профессор вряд ли доверился бы ей и в этот раз. Повторное обращение за октаболлином может вызвать подозрения, которые ей были ни к чему. Конечно, врач мог бы прописать и что-нибудь другое, но по всей теории вероятности это было бы аналогичного спектра лекарство.

Подсыпать его, предварительно раздавив обычной столовой ложкой, Анна намеревалась вначале дома у Лукенко. Вероятность того, что он пригласит её к себе домой, была невелика, но Аня постаралась на славу, потратив ещё десять минут на преображение в больничном туалете. Парик с проседью и отвратным прямым пробором она выбросила, вспомнив, правда, о нём уже на пороге кафе. Благо, в засоренной мусорке ещё было достаточно места.

– Я дико извиняюсь, – прощепетала она, ещё не до конца отдышавшись – но такси задержалось из-за пробок.

Анну охватил тот самый сладковато-свежий букет мастера-химика, сочинившего столь возбуждающий оттеночный аромат знакомого, но неизведанного ею мужчины. К набежавшему от быстрой ходьбы жару прибавился другой – щемящий и приятный, сравнимый лишь только с желанием прикоснуться к красивому телу. Именно об этом Анна сейчас подумала, вообразив себе Андрея без рубашки. Она даже готова была подсыпать ему галлюциноген только после

того, как посмотрит на него... Конечно, он мог бы и не пригласить к себе на огонёк, но если он взбрыкнёт, на этот случай Анна включит свое фирменное обаяние и даст почувствовать афродизиак в области шеи, приблизившись поближе. И тогда он не сможет отказаться.

«Пригласил же он её в это кафе! С явным намеком с её стороны, конечно, но пригласил же! А раз так, то дело остается за малым.

Презентация начнется завтра в десять. Это случится через 17 часов.

Неприлично много времени, чтобы поиграть...»

9.

Кто заражён страхом болезни, тот уже заражён болезнью страха.

Мишель Монтень

Катя Шемякина вышла во двор и уныло огляделась по сторонам. Машины заполнили все тротуары и парковочные места, давя на российские узкие дворики, близлежащие школы и детские сады. Она прошла от одной линейки автомобилей к другой, щурясь от утреннего солнца нового дня.

Она искала глазами черный «Pejout» соседа, замеченный ею накануне похода в клинику. Мест для стоянки в конце рабочего дня не наблюдалось, и, видимо, поэтому он поставил своего «французского пони», как называла его Катя, на небольшой кусок газона со стремящейся за весной и солнцем зелёной травой. Но обойдя на всякий случай сначала законные парковочные разметки и вернувшись к тому самому кусочку жизни, она заметила лишь примятый прямоугольник жухлой растительности с пробивающимся к солнцу клевером. Видимо, Георгий (так звали соседа) уехал на работу раньше, чем обычно и поэтому ей придётся ехать на автобусе в такую аномальную для мая жару.

Георгий никогда не отказывал Катерине подвезти её по дороге до метро.

Да и муж не ревновал, предполагая отсутствие основания для этого.

А именно – Жорин возраст, который, как ему казалось, никогда бы не привлёк его жену. Георгию было 55. Пять лет – и заслуженная пенсия лежала бы в его кармане.

Да и нарушать непоправное правило верного мужа Георгию не хотелось, так как он сам был женат. Просто он всегда отвозил Катю до метро. Так сложилось. А она, в свою очередь, никогда не опаздывала к отправлению «французского пони».

Но сегодня она пойдёт пешком...

Вдоль длинного больничного коридора тянулись пупырчатые от шпатлевки стены бледно-розового цвета, который, на самом деле, при первичной покраске оказался сиреневым и ввиду неприятного вкуса районной управы был «очищен» колорантом.

Вдоль стен крепились сваренные друг с другом черные стулья – по шесть с каждого ряда со стоящими возле каждого шестого маленьким стеклянным журнальным столиком, на котором валялась разного вида реклама, в основном связанная с гинекологией и перемешивающаяся с лифлетами, кричащими названием «Ваша печень в наших руках», несмотря на то что отделение было пульмонологическое, а не терапевтическое.

Да и запах стоял традиционный для стоматологии и хирургии – карболка, хлорка и что-то ещё. Это «что-то ещё» не нравилось Кате больше всего. Было в этом запахе что-то отталкивающее, наводящее на ощущение брезгливости при посещении больниц. Так пахло и в зубном кабинете её детских воспоминаний, и в оздоровительном лагере в момент подгорания картофеля в столовой.

Странно, что она припомнила сейчас именно тот запах. Станным было и то, что здесь вообще чем-то пахло. Операционные находились не здесь, да и столовой здесь не должно было быть. Она находилась в стационаре, в другом корпусе.

Катя уныло листала «Робинзона Крузо», которого она взяла с собой, дабы убить время в больничном коридоре. Она обещала дочитать его в отпуске.

Специально купила Д. Дефо как автора классического представления необитаемого острова, с которым она сравнивала набитый бухточками греческий Крит. Она не дочитала сто страниц. Именно столько ей не хватило для того, чтобы выяснить, что станет с Пятницей и вернется ли Робинзон в далёкий Йорк.

Но сейчас читать оказалось сложным. Так как сосредоточенность мыслей была довольно-таки рассеянной. Когда у тебя приём зубного врача, ты боишься боли, но знаешь, что чёртов зуб залечат или вырвут, и боль пройдет. Такая же ситуация со сломанной конечностью. Болит, зараза, но пройдет время, и косточки соединятся друг с другом. Иная ситуация, когда у тебя сводит дыхание в общественном транспорте, и ухватиться даже не за кого. Стесняешься этого и маниакально проглатываешь воздух, надеясь, что вот-вот станет легче дышать. Спасает сальбутамол, но действие его заканчивается, и ты снова активно рыщешь в своей сумочке, пугая расширенными глазами и хриплым дыханием окружающих.

Катя не рассказывала о приступах Виктору. Не хотела его пугать прежде, чем поставят диагноз. Начиталась в интернете, что прерывистое дыхание может быть связано с нервным возбуждением и скоро само собой восстановится.

Но не восстановилось.

И пришлось обратиться к пульмонологу, о существовании которого Катя и не догадывалась, как не догадывалась и о том, что бывают специалисты, занимающиеся дыханием.

– Екатерина Викторовна, заходите, – послышался голос женщины, доносившийся из щёлочки напротив. Посреди двери висела гордая табличка с фамилией Лебединская Елена Анатольевна и ниже – пульмонолог.

– Я посмотрела ваши результаты, и вот некоторые детали. Прерывистое дыхание и чувство удушья у вас не на нервной почве.

Она взяла чёрные рентгеновские снимки.

– Когда вы последний раз делали УЗИ желудка и поджелудочной железы? Мучают ли вас боли в желудке, в той области? Я спрашиваю это потому, что процессы в организме часто оказываются взаимосвязанными; одна боль перетекает в другую, третья может вернуться к исходной. И нарушения, вызванные...

– Простите, вы хотите сказать, что приступы удушья могут стать следствием болезни желудка? – отметила девушка, напрягшись немного от услышанного.

Она, безусловно, понимала врачебную тактичность и даже благодарил врачей за эту холодную устойчивость при постановке диагноза. Стальной, несмотря на женственность, голос пульмонолога дарил Кате основание полагать, что столь чёткая осведомленность врача в вопросе своей работы поможет ей так же чётко понять проблему болезни и, следовательно, прийти к уверенной победе над ней.

– Я хочу сказать, что разные нарушения могут привести к отёку воздухоносных путей лёгких, при этом всё это может стать причиной вашей проблемы и при сердечно-сосудистой недостаточности. Но так как последняя даёт о себе реже знать, я хочу знать, болит ли у вас желудок, бока?

– Я...я, – растерялась Катя, – даже не знаю. Наверно, как у всех. Когда переём или съём несовместимые друг с другом продукты. Хотя я в этом, честно говоря, ничего не понимаю.

– Вы не волнуйтесь, Екатерина Викторовна, – улыбнулась врач. – Я, наверно, испугала вас медицинскими терминами. Хотя поверьте, в нашей практике мы исключаем при разговоре с пациентом все «матные», как подростки выражаются, слова. Смотрите, – указала она на рент-

ген, – на снимках видны сливающиеся друг с другом и образующие неправильные формы тени, которые и являются причиной вашего ощущения удушья. Это отёки воздухоносных путей. Для них характерны отделение большого количества пенистой мокроты и появление влажных звонких хрипов в лёгких. Что мы с вами и определили, послушав, как вы дышите.

– Что же нам делать? – испуганно спросила Катя.

– Прежде всего, не накручивать себе недоказанных результатов и не рыться в поисках информации в интернете.

Сейчас Лебединская Елена Анатольевна прочитала её мысли. Почувствовав первое недомогание, Ката сразу полезла в интернет, дабы найти ему объяснение. Так поступают миллионы людей на всей планете Земля и потом накручивают себе несуществующие диагнозы. И те же миллионы себя успокаивают, объясняя описанное, как что-то некорректное и явно к ним не относящееся. В частности, бывает и так. Но Ката дошла до врача. Потому что испугалась и сейчас сожалела лишь об одном – почему не сделала этого раньше.

– Я вам настоятельно рекомендую проверить кишечник и желудок. На регистрационной стойке спросите об УЗИ и запишитесь на ближайшее время.

В этот вечер Ката впервые помолилась. Она встала на колени и глазами попыталась найти хотя бы одну иконку в их общей с Виктором спальне. Были какие-то, присланные архимандритом из Ростова Великого.

Одни лежали на подоконнике, другие облокотились о стену возле телевизора.

Она подумала помолиться им, но тут же поймала себя на мысли, что даже не знает ликов святых. Она знала Матронушку, Сергия Радонежского... но эти вовсе на них не похожи. Их прислали по почте, самой обыкновенной почте, с марками и в заклеенных конвертах. Случись то по мейлу, Катя бы сочла их спамом, но на эти письма и даже с иконами, пускай и бумажными, тратилась бумага, марки, почтовый сбор. Поэтому она просто их оставляла. Иногда целый месяц не открывала конверт, а был случай – конверт не влез в почтовый ящик, и она не поленилась, сходила в отдел доставки и получила там целый церковный календарь. Он и сейчас лежал у нее справа от письменного стола, заброшенного сейчас пакетиками от чипсов, оберткой из-под мороженого и даже семечками.

Комната из –за беспорядка выглядела сейчас как подростковая, а не как спальня двух приличных взрослых.

Не остановив взгляд ни на одной бумажной иконке, она просто помолилась собственному висевшему на шее кресту. Потом также на коленях подползла к зеркалу и ещё долгое время всматривалась в собственное отражение, будто пыталась понять и выявить нечто новое, упущенное от самой себя. Там она видела спину Виктора, который то сидел, то вскакивал эмоционально от забитого на экране гола. Велась последняя борьба между Барселоной и Германией, и важность этого события можно было отследить по выкрикивающим с трибун звериным, пронзительным голосам. Они крикнули: «Гол», и Виктор заплясал татарскую «гармошку», приподнимая пятку правой ноги и носок левой, отводя их в правую сторону, потом соединив носки, развёл пятки. Потом движения носков и пяток сменилось на противоположное положение.

Виктор был атеистом. Практичность и обоснованность существующего мира с точки зрения физики давали ему банальную точку зрения – всё подвластно научным законам, а то, что неподвластно – то недоказуемо, а раз недоказуемо, значит, не существует. Но с женой он не витийствовал на эти темы. Он знал, что Катя – человек верующий в той самой мере, которая не отвлекает его от бытового уровня, то есть не раздражает в их семейной с ним жизни. Он спокойно воспринимал, что она иногда говорит о Боге, но никогда не видел её молящейся. Не то чтобы его это разозлило бы. Скорее удивило бы, но не навело бы на отрицательные мысли.

Ему было всё равно.

Каждый человек во что-то должен верить. Он верил в материальность вещей и человеческую силу, трудолюбие и перфекционизм.

Может, зная его безразличие к Высшему, Катя и посматривала сейчас в то самое отражение, держась за крестик и немного этого стесняясь.

10.

*Поистине, всегда там, где недостаёт разумных доводов,
их заменяет крик.
Леонардо да Винчи*

Источник запаха в квартире Алексея искали три дня. Им оказалась протекающая по причине изношенности морозильная камера. При этом наледь внутри была существенной, а вода в формах для льда не застывала, как и не застывали от холода куски охлаждённого некогда мяса. Они-то и протухли, одарив комнаты «телесным» ароматом. Оставленный накануне Лениного отъезда килограммовый ломоть телятины теснился, оказывается, с остальными соседями по составу и форме. Алексей удосужился убрать его в морозилку, но тем самым лишь усугубил качество продукта.

На дворе стоял май. Мухи, окрепшие и надоедливые, не стесняясь нежелания с ними встречаться, летали и жужжали сейчас в красной, зелёной и жёлтой комнатах. Алексей, наконец, протрезвел и вёл себя как ни в чем не бывало, осыпая Лену комплиментами, объятиями и улыбками.

– Пойдём сегодня в кино, – лепетал он, – заказов не будет до понедельника. Хорин сказал, что мы выжали максимальное из того, что могли выжать из процесса Синельникова. Несмотря на провал, обещанные десять процентов – всё же не малая сумма. Мы насчитали восемь тысяч лампов.

– Откуда ты понабрался этих словечек, – фыркнула Лена, отбиваясь от засаленных от жары рук Алексея. – Ты очень изменился, – уклончиво сказала она.

– Из наставника и приличного человека ты превратился в усреднённого юриста, готового на всё ради прибыли. Неужели тебя не волнует то, что этот самый Синельников – мошенник! – выпалила она.

– Как можно так мелко к этому относиться? – Она повернулась к нему, и на глазах у нее выступили слезы.

– Лёшенька, давай ты вернёшься к тренингам... – прогундосила Лена.

– Ты так изменился, стал непохожим на себя. И вообще, вся эта грязь тебе не к лицу. Ты не для этого создан.

– А для чего я создан? – скрипнул голосом Алексей, будто тот сорвался от волнения. – Сопли ваши подтирать? Душевности раздавать? Да, пойми ты, мне надоело чувствовать себя центральным голкипером среди баб. Мне это с-к-у-ч-н-о, – протянул он на одном дыхании. Мне было это интересным, когда я только устраивался. Сейчас это пустая трата времени, мне ничего она не даёт. Другое дело – юриспруденция, в ней я нашел себя. Расцвел, осмелел, столько всего узнал, – заулыбался он. – Заинька, может, и тебе пойти на курсы? – спросил он так мягко, что Лену даже затошнило.

Этот Хорин уже ассоциировался у нее с адвокатом дьявола, а защита Синельникова, о котором гудел Басманный суд, – неприличной и даже унижительной. С каких пор её муж превратился в защитника «коррупционеров»? Она не таким его знала, не таким его полюбила, не таким представляла.

Руководителя известной многим адвокатской коллегии Хорина очевидцы вообще называли «учителем», вкладывая в это понятие нечто сектантское и злое. Ведь он как будто

специально выбирал только сложные дела, с наименьшим процентом выигрыша дела и с небольшой гарантией победы. Обычно такие дела принадлежали преступникам, чья вина казалась на первый взгляд неоспоримой.

Пока в них не вмешивался Сергей Хорин.

При этом у него всегда было много помощников из не самых престижных юридических заведений. Те с радостью соглашались работать чуть ли не бесплатно на своего «учителя», который с радостью предоставлял все возможности стажировки, но при этом ничтожный процент от сделок.

– Хорин берется за то, что не под силу остальным. Тем более, компенсация-то все равно существенная.

– Да?! Почему же ты тогда напился так? Не с горя ли?

Алексей причмокнул и отвернулся. Обсуждать дела с кем-то юридически неграмотным он не хотел, будь то даже его жена.

11.

*Коварный человек подобен обнажённому мечу:
внешний вид его привлекателен,
но малейшая неосторожность в обращении с ним грозит увечьем.
Вост.*

На проспекте Вернадского остановилось жёлтое такси. Анна вышла на свежий воздух. Окинув ловким, незаметным взглядом Лукенко, который расплачивался с таксистом, сидя на переднем сидении, она поднялась по ступенькам подъезда отличающегося от других «кукушников» дома.

Она светилась и радовалась от осознания того, что наживка села на крючок.

В общем-то ей и не пришлось церемониться.

Андрей сам предложил после ужина поехать к нему.

Вокруг было все зелено.

Газоны привезли готовыми канадскими салатowymi порциями и расстелили на территории.

Перед ней прошла стая дворовых собак, запряженных в невидимую упряжку метисов, проследовавших в кильватере за чахлой старушкой лет семидесяти. Всего Анна насчитала шестерых – достаточное количество питомцев, чтобы превратить квартиру в домашний зверинец с соответствующим запахом. Правда, удивляться было нечему, так как подобная практика случается во многих уголках нашей родины, как некое представление о гуманности, хотя и имеющее с этим понятием противоположные результаты. Зачастую такие старушки в желании помочь хвостатым хлебом, водой и крышей, сами того не ведая, их уничтожают; бывает, не хватает средств на пропитание (а во двор отпустить боязно – вдруг убегут), а бывает, умирают добрые старушки, а квартиру с четвероногими опечатаывают до тех пор, пока не решится вопрос наследования, если у бабушки оказались незаботливые родственники, а то и полное их отсутствие.

«Даже интересно, почему дедушки не заводят себе стаи собак и кошек», – подумала Анна.

В хвостатых и четырёхлапых она и сама видела умиление и беззащитность, что отнюдь не проявлялось в Андрее Лукенко. Напротив, она как раз настроилась во что бы то ни стало лишить его чувств, дабы препятствовать отличному исходу презентации.

Её недавняя влюбленность как будто улетучилась так же быстро, как и пришла.

Такси мигнуло правым поворотником и скрылось с глаз на дороге, примыкающей к другим дворам. Ущипнув Анюту за ягодицу, мужчина «рыкнул» актёрской манерой из назойливой рекламы сексуального мужского дезодоранта и нажал ключом на сенсорный экран домофона. Знакомое «пи» проводило пару к лифту, в котором они соблюли положенную перед входом в квартиру прелюдию, и лишь не работающий на площадке свет препятствовал им дойти до нужной двери. Что явилось странным обстоятельством, так как частный дом, в котором жил Андрей Лукенко, производил впечатление достаточно ухоженного и образцового. А тут такая бытовая проблема!

В полураздетом виде заместитель генерального директора компании «ЯхтСтройТехнологис» оказался голенастым и не широкоплечим, каким казался в костюме.

Но в торсе Аня не ошиблась. Накачанный и поистине мужской, разделенный на несколько кубиков правильной формы, он, как кирпичная кладка, казался ровным и симметричным. Слегка вьющиеся и растущие к шее волосы, которые она заметила ещё в офисном лифте за застегнутой чинно рубашкой, были по всей груди и спускались к животу, образуя ровную линию. Спина была гладкая и манящая, как после обработки её массажным маслом, шея худая и совершенно не примечательная без всего того, с чем она составляла единый силуэт.

Анна засмотрелась на кадык, острый и выпуклый, спустилась взглядом до белого махрового полотенца, прикрывающего гениталии, и вздохнула машинально, позволив себе хоть немного отвлечься от готовящейся трапезы для Лукенко.

– Тебе чего? Шампанского или виски?

Голос Андрея сейчас походил на бархатный баритон кота, готового сию минуту накинуться на лежащую перед ним самку.

– Я бы не отказалась от шипучего.

Анна, в отличие от ухажёра, была одета и немного смущена напористостью партнёра, но всё же довольствовалась тем, что уже сидела у него в квартире.

Пока он ходил в поисках бокала и отламывал куски льда, она решила осмотреть интерьер квартиры, в которой присутствовала в первый и последний раз в своей жизни.

В глаза бросались занавешенные блестящие синие портьеры с квадратными узорами посередине. Приди она сюда днём, она бы их точно не заметила. Возле них, выпирающий слева, стоял дубовый стол, на поверхности которого лежало стекло. Под стеклом лежали фотографии – на них Андрей был одет в камуфляж цвета хаки и держал обеими руками чёрного усатого сома, который был настолько велик, что вмещался и в руки товарища по ловле, который стоял справа от Андрея; на другой фотографии мужчина в натянутом до шеи красном шлеме сидел в машине для картинга. Угадать, что это был Андрей, было практически невозможно, если не знать, как выглядят его руки, когда рукава предельно засучены.

Здесь была фотография с ребёнком, светловолосым мальчиком четырёх-пяти лет. Анна подумала, что он может оказаться племянником, так как точно знала, что собственных детей Лукенко не имел. Хотя завидев хорошенького мальчугана, начала всё-таки сравнивать черты его лица с чертами Андрея. Что-то похожее было.

Больше фотографий не было.

Можно было лишь догадываться, почему владелец квартиры выложил именно эти три карточки. Анна решила для себя, что та, которая с рыбой, символизирует силу, с машинкой – ловкость, а с ребёнком – заботу. Наверно, она была не единственной девушкой, заходящей сюда на огонёк, и Андрей знал, на какие рычаги надо давить, чтобы привлечь женское внимание.

Левее северной стены стоял, то есть висел ЖК-телевизор. Стоило Анне на него взглянуть, как из кухни раздался голос:

– Включи MTV, малышка. Или что-нибудь в этом роде.

И вот хозяин голоса уже стоял с бокалом в руке и каким-то предметом наперевес.

– Я думала, такие, как ты, смотрят только РБК.

– И дома ходят в костюмах с калькулятором под мышкой, – улыбнулся он.

– И уж тем более, – сказала она томным голосом, – не задумываются о свиданиях, когда на носу большие сделки.

– Это ты о ЯТУ-345? Так там уже всё на мази. Отрепетировано, как на театральных подмостках. Комар носа не подточит. Уплывет на Филиппины завтра же.

– Ну...это ты, конечно, преувеличиваешь. Оформление неделю точно займёт. Такая-то крупная рыба...

– Касьяс? Брось, он нам по плечу. Тем более что переговоры уже были и, насколько я знаю, прошли вполне успешно. Он купит её.

Глоток шампанского попал в дыхательное горло, и Анна закашляла. Она почувствовала себя неловко. Такая реакция – и на свидании. Краснея и сдерживая настойчивый кашель, она извинилась кивком и выбежала в ванну. Подсветка вдоль зеркала выдала все недостатки, отпечатавшиеся на лице Анны, как на расплавленном сургуче. Глаза залились кровью, и нос начал шмыгать.

– Эй, Аннушка, что там у тебя? Не в то горло попало? – раздался голос из гостиной, и нотка обеспокоенности порадовала девушку.

Умывшись и взбодрившись, Черчина достала из сумочки, лежавшей в коридоре у санузла, косметичку и начала быстро орудовать ватными палочками, стирая растёкшуюся подводку и тушь. Потом достала пудреницу и нанесла на широкую кисточку разноцветную пудру, сочетание цветов которой оставляло на щеках эффект загара. Накрасив губы пурпурным блеском, разжимая и сжимая их, она собралась и в доказательство этому улыбнулась собственному отражению.

– Игристые вина иногда посильнее оборотов прибавляют, – вернулся к ней кокетливый голос, – давай я тоже за тобой поухаживаю. Что ты будешь: этот опасный напиток или в твоём баре есть что погорячее?

– Я разделю с тобой опасный напиток.

– Слушай, так значит «ЯТУ-345» уже продана? А как же презентация?

– Презентация завтра. Её никто не отменял. Но такие крупные сделки обсуждаются заранее, прежде чем выставить напоказ фотографии и чертежи. Сколько же ты у нас работаешь, малышка?

– Интересно, как же заказчик заранее на всё соглашается, не увидев товара? – Анна проигнорировала вопрос Лукенко.

– Брось, Шемякин – настоящая бомба в этом деле. Созвонились, встретились, сходили в ресторан...

– Значит, презентация пройдёт для формальности?

– Отнюдь нет. Для полного согласия Касьяс взять товар нужна его подпись. А как же он её поставит, пока не удостоверится лично, что в каютах предусмотрены французские кровати с коваными изголовьями, – хихикнул Андрей.

«Да, ну тебя... Опять туда же», – разозлилась Анна.

Её заглушила мысль о том, что презентация может ничего не решить. Даже если она сорвется, Роберто Касьяс может сделать принципиальный ход и подождать, пока члены команды «ЯхтСтрой Технолджис» не будут готовы к проведению следующей. Тем более с уже оговоренными формальностями покупки яхты.

Она вспомнила разговор с Кириллом, все тонкости, какие он хотел пустить в ход, сорвись эта сделка; его собственный план – проект совершенно иной, но не менее достойной покорительницы волн; передача этого проекта лично в руки Серафина Родина и ущемление при этом прав Шемякина, как недостойного называться руководителем столь серьёзного предприятия и предпочитавшего сомнительные увеселительные программы перед серьёзной сделкой, нежели подготовку к ней.

Анна вспомнила лицо Левина, довольного компроматом на весёлого семьянина, закручивающего стодолларовые купюры в полоски для трусов в стриптиз-баре, и дату, отображённую на фото внизу, которую зарегистрировала стандартная мыльница: 27.05.2016 2:50 ночи.

В день – то презентации...

Серафин жутко этого не любил!

«Конечно же, это монтаж...»

День презентации. День, накануне которого можно лишь сидеть перед ноутбуком и удалять неважные, несущественные мелочи проекта года. Когда Левин показал ей билеты в Барселону к Родину, с датой вылета на следующий день после представления Касьясу яхты, Анна удивилась, насколько тщательно Левин подготовился к отстранению соперника. Он даже рассказал, как долго искал источник информации, где именно владелец «ЯхтСтройТехнолоджис» любит обедать в испанском городке.

Она представила свой будущий «Mini Cooper»...

12.

Лена была в ярости. Она ходила по квартире и грызла кутикулу. Поведение Алексея не укладывалось у неё в голове. Сначала его мама неожиданно улетает в Израиль, побывав лишь однажды, в молодости, на Чёрном море; потом эти пьянки, как чёрные тучи среди ясного неба; и вот теперь эти криминальные дела.

С каких пор Лёша улыбается от радости получения «грязных денег»? Ему, что, там мозги промыли холодной водой, как лапшу после варки? Эти его ухмылочки легкомысленные...

Лена кипятилась и набирала номер Каты. Ей не терпелось поведать подруге о своих переживаниях. Как снежный ком, сошедший с лавиной, её мысли крутились из стороны в сторону и образовывали дурацкие, как ей казалось, фантазии.

Катя Шемякина вытирала волосы махровым полотенцем и постукивала ступнями о коврик в ванной, когда включился автоответчик в гостинной.

– Кать, ты там? Возьми трубку.

Молчание.

– Это Лена. Слушай, надо поговорить

Молчание.

– Я одна дома и не работаю сегодня, выходной взяла. Не выпалась и приболела.

Вздых.

– Я хотела поболтать. Тебя, наверно, нет дома.

Всхлипывание.

– Позвони на сотовый, короче, как время выкроишь.

Катя взяла трубку и услышала короткие гудки. Тут же набрала номер подруги.

Занято.

Она заметила, что Лена в последнее время была сама не своя. Раньше приходила улыбающаяся, бодренькая, готовая тут же подбежать к Никитке и окружить его в воздухе, подбрасывая легонько вверх. А тут пришла и молчит. Кате даже стало неудобно – она пригласила её недавно в кафе и так долго уговаривала, таща буквально Лену за подол платья в увеселительное заведение. Она вспомнила, как говорила:

– Пойдём покушаем суши, выпьем шампанского, при заказе вот этого сета два бокала бесплатно, – указала она на рекламный буклет, – а с купоном ещё и пятьдесят процентов скидка. Пойдём.

Непривычно печальная Лена брыкалась до последнего, ссылаясь на плохое самочувствие. Но Катя её все-таки уговорила.

Сейчас она задумалась, не заболела ли та чем-нибудь серьёзным.

Как она сама.

И как только ей удавалось скрывать свою болезнь от всех окружающих? Она вдруг ощутила, что ей надо обязательно поделиться с Леной. Наверняка, у той тоже что-нибудь случилось. Катя решила мысленно поднять себе настроение, вспомнив про визит к врачу. Она представила, что Лена больна чем-нибудь похожим или того хлеще... и вообразила их сидящими на крыше Питера за столиком, притащенным из «Декатлона», и распивающими красное вино.

«А у тебя СПИД, пам-пам, а значит, мы умрём, – пропела она знаменитую строчку из песни. А они уже изрядно выпили и вдруг засмеялись над тем, что совсем и не смешно.»

Катя потрясла головой, избавляясь от непроизвольного образа, и набрала подруге ещё раз. На этот раз она услышала: «Абонент временно недоступен».

13.

Самая лучшая юридическая уловка, как избежать наказания

– это не нарушать закон.

Тремя днями ранее...

Руководитель адвокатской коллегии «Юнона» Сергей Хорин разбирал почту. На конвертах пестрели марки со всех уголков России. Несмотря на эпоху компьютеризации и сетевого всеобщего хаоса, бумажная почта всё равно приходила, быть может, лишь в меньшем объеме. Хорин перекладывал конверты, сосредоточившись на адресатах. В сторону стола полетели письма Газпремиума, НТКИ (Нефте-топливная компания Интернешнл), РСИ (Российская система информатизации) – компании прислали отчёты по текущему состоянию акций. Сергей владел небольшой долей акций организаций-лидеров.

Потом были конверт из Гринворлда с благодарственным письмом за пожертвования и рекламные спамы в виде листовок.

Обычно почту разбирала секретарь, она же по совместительству юрисконсульт. Но сегодня она позвонила и предупредила о невыходе на работу в связи с болезнью ребёнка.

Хорин был предельно от этого зол, но будучи работником законодательной власти, не мог нарушить закон, обвиняя сотрудников в невыполнении ими должностных обязанностей из-за болезни родственников. Хотя уже неоднократно задумывался о неофициальном приёме на работу женщин далеко за сорок, чтобы иметь над ними более понятную ему власть. Ему не по душе были домашние сюсюканья, когда на кону стояли выигрышные или просто высокооплачиваемые дела.

Последним оказался конверт без обратного адреса и даже без марки, довольно плотный по содержанию. В верхнем левом углу было написано «Отдать лично в руки».

Достав из конверта сложенный вдвое лист А4, он с привычной ему жадностью начал изучать напечатанный текст.

Уважаемый Сергей Геннадьевич,

Обращаюсь к Вам как руководителю одной из лучших юридических организаций в Москве. Мне нужно встретиться с Вами для решения юридических формальностей своего бизнеса. Цена вопроса 20 тысяч долларов. Для моей уверенности в том, что я имею дело с профессионалом, просьба приехать самому. Вы найдёте меня в ресторане «Хемингуэй» на Крестовом проезде послезавтра в 14:00.

К.

25.05.2016

Хорина трудно было удивить. Однажды он гулял по улочкам Манчестера, когда к нему подошёл пьянчужка и замулил что-то на родном языке. Собираясь было уйти, он вдруг одёрнул Сергея и спросил по-русски, не хочет ли тот выпить со старым товарищем по Таганке.

Да, Хорин сидел.

«Но кто тогда не сидел, – размышлял он, вспоминая девяностые. –

Когда это было.

Кому какое дело до мошенничества».

А тут на тебе, друг со школы собственной персоной. Ещё и в Англии. Тогда они весело провели время, от души покуролесили.

...Бывает же такое.

Не бывает.

А с Хориным бывает.

Авантюрные приключения по его адресу, это ему интересно. Это аутентично. Поэтому приглашение он заглотил с открытым ртом, не боясь попасться на удочку. Он лишь залез в интернет и удостоверился в существовании кафе, указанного в записке. С ежедневником он не сверялся. Плевать, какие ещё встречи у него были запланированы на 27 число, если речь шла о 20 тысячах долларов! – деньги не шуточные и интересные Хорину.

Этой ночью Сергей размышлял о тюрьме, вспоминал свой первый день в камере. Взяв в каптёрке матрац, подушку и одеяло (наволочку, простынь и пододеяльник никто ему не дал), он зашёл за решетку с номером 236. Ощущение было из неприятнейших: бритые и татуированные зеки косились, как на бутерброд с колбасой после недельного недоедания. Кто-то ковырялся в зубах зубочисткой и смотрел исподлобья; кто-то поднял и тут же опустил глаза, привыкнув, видимо, к новобранцам; кто-то загадочно улыбался, и только Богу известно, что таил на душе.

Хорин спросил, где ему можно кинуть матрац, как учили следователи, и услышал ожидаемый ответ – возле унитаза. Улыбнулся нехотя и кинул вещи в правом свободном углу у решетки. Как и уверяли в полиции, сокамерники мирно отвели от него взгляд.

Вторая проверка случилась на третий день пребывания. Сосед попросил обменяться свитерами и фруктами, ссылаясь на неприглядный вид того и другого у себя в тумбочке. Тогда Сергей тоже ослушался, извинился перед просителем и благодаря этому стал уважаемым.

Соглашение и подчинение тебе подобным сулили бы неуважение со стороны сокамерников, и следователь об этом предупредил. Хорин благодарил его за это, потому что, откажись он тогда от этих советов, стал бы рабом своего положения.

В тюрьме не любят пресмыкающихся. А таких много, и иначе быть не может, так как от одного вида этих злобных, на первый взгляд, лиц за решёткой в человеке включается режим поклонения, лишь бы не трогали.

Но тот, кто перешагнёт через страх, окажется в выигрыше.

В тюрьме случались разборки, и у Сергея чесались руки вмешаться, как и принять участие в восстании против несправедливых беспорядков. В большинстве случаев он играл нейтрального наблюдателя, прекрасно понимая, что в таких местах ни в коем случае нельзя кого-либо защищать, дабы не нажить врагов. Но однажды он не сдержался.

Молодому новоприходцу предложили чифирь. Тот любезно отказался, мотивировав тем, что не пьет ничего подобного, так как есть проблемы с желудком. После минутных пререканий с лидером «хаты» завязалась словесная перепалка, потом она перешла в рукоприкладческую. Хорин помог молодому парню на правах бывшего зека, попросил не трогать его из-за неприязни к продукту. Так он подружился с товарищем по имени Николай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.